

Раздел 3

**ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ
И СТРАТЕГИЧЕСКОЙ
СТАБИЛЬНОСТИ В АРКТИКЕ**

А. В. Загорский

Военная безопасность в Арктике

Представленная в хрестоматии подборка статей по вопросам безопасности в Арктике отражает широкую палитру мнений, представленных в экспертном сообществе. Авторами высказываются порой полярные точки зрения. Споры ведутся зачастую о фактах, не говоря уже о выводах, которые делаются на их основе. Одни эксперты прогнозируют грядущие конфликты — как между арктическими государствами, так и между ними и неарктическими странами. Многие уже сегодня видят контуры начинающейся гонки вооружений в регионе — предвестницы будущей «битвы за Арктику».

Другие подчеркивают, что в плане военной безопасности Арктика является одним из самых спокойных регионов мира. Однако по мере климатических изменений — а их темп в регионе выше, чем в среднем на планете, — и расширения масштабов экономической деятельности здесь будут возрастать риски и вызовы для безопасности совсем иного рода. В первую очередь — это риски техногенных катастроф, нефтеразливов, чрезвычайных ситуаций, загрязнения морской среды с суши и с судов. Наконец, это вызов для безопасности человека в Арктике. Меняющаяся среда обитания создает серьезную угрозу для привычного образа жизни коренных народов, их традиционных занятий, продовольственной безопасности. Однако проблема адаптации к климатическим переменам стоит не только перед коренными народами Севера, но и перед всеми жителями региона, который постепенно превращается в зону повышенного риска.

Все большее внимание арктические государства уделяют сегодня вопросам безопасности судоходства, поиска и спасания с воздуха и на море, предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, возможных разливов нефти. В арктических странах, расположенных в более теплой части региона — в Северо-Восточной Атлантике, прогнозируется нарастание других рисков, связанных с незаконной миграцией, организованной преступной деятельностью. Перед этими странами уже в практической плоскости встает вопрос обеспечения в новых условиях

должного уровня мониторинга оперативной обстановки и охраны границ в арктических акваториях. Необходимость же адекватно реагировать на новые вызовы подталкивает арктические страны не к соперничеству, а к налаживанию все более тесного сотрудничества.

Что лежит в основе столь разных оценок современного положения дел в области безопасности и, главное, перспектив его изменений в обозримом будущем? В чем суть разногласий между экспертами?

Во-первых, речь идет о существенных различиях в анализе *причин для возможных конфликтов в Арктике* — насколько они весомы для того, чтобы мы могли с уверенностью судить о том, возрастает здесь вероятность конфликтов или нет.

Во-вторых, речь идет *об оценке военных потенциалов, планов военного строительства и осуществляемой в регионе военной деятельности*: позволяет ли динамика военной обстановки в регионе говорить о том, что здесь начинается гонка вооружений и что мы стоим на пороге или в начале процесса милитаризации Арктики?

Наконец, в-третьих, в зависимости от ответов на первые два вопроса, различные авторы по-разному отвечают на вопрос о том, какой может и должна быть *оптимальная реакция государств на современные вызовы для безопасности*, с которыми сталкиваются сегодня и в еще большей степени в будущем будут сталкиваться страны региона.

Что может стать причиной конфликта?

Среди главных причин возможного конфликта в Арктике чаще всего называют нерешенность вопроса о том, кому принадлежит Арктика. Внесение ясности в этот вопрос, считает ряд авторов, приведет к «переделу» Арктики, и участвовать в нем будут не только арктические, но и внерегиональные державы.

Данный вывод опирается на тезис о правовой неопределенности статуса морских арктических пространств и недр Северного Ледовитого океана, о наличии неурегулированных споров по вопросу о разграничении морских пространств и континентального шельфа. Так, О. Б. Александров пишет о множестве «вопросов относительно суверенитета над этими (арктическими. — А. З.) областями», утверждая, что «подлинным камнем преткновения становятся международно-правовой статус Арктики, необходимость уладить

многолетние территориальные споры» и что поэтому «одной из ключевых характеристик Арктического региона является его высокий конфликтный потенциал», а в самом регионе идут «приготовления к схватке»¹.

Контр-адмирал В. М. Апанасенко приводит внушительный перечень **неурегулированных территориальных споров в Арктике**, утверждая, что «практически все» арктические, да и не только арктические страны «имеют претензии друг к другу по поводу тех или иных территорий, входящих в зону Арктики». Дополняя эту картину тезисом о том, что претензии на Арктику помимо пяти прибрежных государств предъявляют «более 20 стран, включая Японию и Китай», он делает однозначный и неутешительный вывод: **Арктика «на сегодняшний день является источником не только новых информационных, но и “горячих” войн, способных перерасти в мировой конфликт»**².

Все это в сочетании с широко обсуждаемым вопросом о природных богатствах арктического шельфа и, прежде всего, о становящихся все более доступными запасах углеводородов подводит к выводу о том, что грядущие споры будут конфликтами за **контроль над углеводородными ресурсами арктического шельфа** и что в такие конфликты могут быть вовлечены не только прибрежные, но и неарктические государства, проявляющие интерес к освоению ресурсов Арктики.

На эту логику накладывается дискуссия о границах суверенных прав прибрежных стран в Северном Ледовитом океане. Россия, Канада, Дания и США собирают доказательства того, что их континентальный шельф простирается далеко за пределами 200-мильных исключительных экономических зон, в ряде случаев — вплоть до Северного полюса. Взаимное наложение их претензий, по мнению ряда авторов, чревато возникновением конфликтной ситуации³. Если при этом исходить из того, что именно здесь, в центральной части Северного Ледовитого океана, сосредоточены углеводородные богатства Арктики — а из этого исходят многие авторы⁴, то картина грядущей «битвы за Арктику» обретает грандиозные очертания.

Выводу о нарастающей конфликтности сопутствует ожидание гонки вооружений в регионе. Признаки **милитаризации Арктики** — во включенной в данный раздел хрестоматии статье В. Н. Кобышев и А. А. Сергунин пишут о ее «ремилитаризации» — эксперты усматривают⁵ в ряде процессов. В частности, речь идет о наращи-

вании военного присутствия прибрежных стран в регионе, модернизации их вооруженных сил (или о планах такой модернизации), включая закупки новой военной техники, о регулярном проведении здесь военных учений и расширении военного сотрудничества стран региона друг с другом и с неарктическими государствами. Российские авторы рассуждают о перспективах вовлечения в будущие арктические споры Североатлантического альянса (четыре из пяти прибрежных арктических стран являются его членами) или о формировании «мини-НАТО» в более узком составе⁶.

Последняя тенденция увязывается ими с норвежской инициативой 2009 г., направленной на сотрудничество стран Северной Европы (Дании, Исландии, Норвегии, Швеции и Финляндии) в сфере обороны и формирование своеобразного «пакта солидарности». Эта инициатива в 2010 г. была оформлена в конкретные договоренности пяти стран, учредивших механизм сотрудничества в области обороны (*NORDEFECO*). В 2011 г. Великобритания выступила с инициативой по налаживанию сотрудничества стран Северной Европы и Балтии, в обсуждении которой приняли участие также Германия и Польша⁷.

Западные страны и Российская Федерация осуществляют военную деятельность и проводят военные учения в Арктической зоне в основном независимо друг от друга. Совместные военно-морские учения России с Норвегией и с США представляют собой редкое исключение из этого общего правила. По этой причине многие российские эксперты априори исходят из того, что военная деятельность стран НАТО в регионе может быть направлена только против России⁸. Наряду с призывами отстаивать суверенитет России на основе сотрудничества, избегая конфронтации, в работах российских авторов широко представлена точка зрения, согласно которой «последним и решающим аргументом в международных отношениях, особенно в спорных вопросах, по-прежнему остается сила или угроза ее применения», делается вывод о необходимости наращивания российской военной группировки в Арктике по мере освоения природных ресурсов региона и в ответ на активизацию военной деятельности стран НАТО⁹.

Если и не прямая военная конфронтация, то по меньшей мере существенное наращивание военного потенциала арктических государств как последней страховки их национальных интересов, иными словами — гонка вооружений и «милитаризация» Арктики — предстает в рамках такой логики неизбежной.

Нужно ли драматизировать ситуацию?

Оппоненты драматизации военно-политической обстановки в Арктике и тезиса о милитаризации региона оспаривают не только выводы, которые делаются сторонниками первой точки зрения, но зачастую и факты, на которых эти выводы делаются.

Во-первых, серьезные возражения вызывает тезис о правовой неопределенности. Правовой режим морских пространств в Арктике определен предельно ясно. Он регулируется нормами международного морского права, кодифицированными в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. В пределах 200-мильных исключительных экономических зон экономическая деятельность осуществляется с согласия и в соответствии с законами прибрежного государства. В этой зоне прибрежные государства осуществляют суверенные права в отношении разведки и разработки ресурсов морского дна и его недр. Исключение составляют свобода судоходства и пролетов. Правда, ст. 234 Конвенции 1982 г. ставит природоохранную юрисдикцию прибрежных государств в покрытых льдом районах выше принципа свободы судоходства. Канада и Россия активно используют эту возможность для регулирования судоходства в пределах своих 200-мильных зон. За пределами же исключительных экономических зон — в центральной части (анклаве) Северного Ледовитого океана действует принцип свободы открытого моря, ограничивать который прибрежные государства не могут. Исключение составляет право прибрежных государств распространить свои суверенные права на шельфе за пределами 200-мильных зон.

Права прибрежных арктических стран, их юрисдикцию и суверенные права на арктическом шельфе в Северном Ледовитом океане никто не оспаривает. В 2008 г. пять прибрежных государств подтвердили приверженность нормам международного морского права и их достаточность для решения возникающих в Арктике вопросов: «В отношении Северного Ледовитого океана применяется обширная международно-правовая база... В частности, в морском праве закреплены важные права и обязательства, относящиеся к определению внешних границ континентального шельфа, защите морской среды, включая районы, покрытые льдом, свободе судоходства, проведению морских научных исследований и другим видам использования моря. Мы сохраняем приверженность этой правовой базе и упорядоченному урегулированию любых возможных перекрывающихся претензий»¹⁰.

Юрисдикцию прибрежных государств в исключительных экономических зонах и их суверенные права на шельфе не оспаривают и неарктические государства. Так, в частности, представители КНР подчеркивают, что «Китай уважает суверенитет, суверенные права и юрисдикцию арктических государств»¹¹. В то же время неарктические государства подчеркивают, что в соответствии с международным морским правом они также обладают правами в Северном Ледовитом океане, отказываться от которых они не намерены¹².

Во-вторых, утверждение о нерешенности многочисленных территориальных споров в Арктике является явным преувеличением. В 1970–1990-х годах подавляющее большинство спорных вопросов разграничения морских пространств и шельфа были урегулированы двусторонними соглашениями арктических государств¹³. **В Арктике осталось немного неурегулированных вопросов разграничения морских пространств.** Остающиеся же открытыми вопросы — принадлежности острова Ханс Канаде или Дании и разграничения морских пространств между Канадой и США в море Бофорта — никем не воспринимаются как потенциальный *casus belli*.

У России сегодня нет споров с соседними государствами. Линия разграничения с США урегулирована соглашением 1990 г., которое Россия хотя и не ратифицировала, но под сомнение не ставит. Не ставят ее под сомнение и США. В 2010 г. был завершен процесс разграничения морских пространств между Россией и Норвегией. Недовольные достигнутым компромиссом есть и в России, и в Норвегии. Однако договором 2010 г. была поставлена точка в вопросе, оставшемся открытым в течение десятилетий.

Открытым остается вопрос о **границах континентального шельфа** прибрежных государств в Северном Ледовитом океане за пределами 200-мильных зон. Появится здесь наложение их претензий или нет, будет зависеть не только от еще не поданных рядом стран представлений (Канада планирует сделать это в конце 2013 г., Дания — в 2014 г., а США для этого еще предстоит ратифицировать Конвенцию по морскому праву 1982 г.), но и от рекомендаций Комиссии по границам континентального шельфа по итогам рассмотрения национальных представлений. Но даже в случае наложения претензий прибрежных стран на континентальный шельф поводов для конфликта у них будет намного меньше, чем для сотрудничества. Ведь любые решения об установлении границ континентального шельфа в соответствии с положениями Конвенции 1982 г. будут

считаться обязательными для других государств только в том случае, если они будут приняты на основе и с учетом взаимных договоренностей прибрежных стран о делимитации континентального шельфа.

Иными словами, тезис о грядущем переделе Арктики при ближайшем рассмотрении выглядит, мягко говоря, сильным преувеличением.

Наконец, *в-третьих*, не меньшим преувеличением является и тезис о том, что конфликты в Арктике будут конфликтами за доступ к углеводородным ресурсам. Сильным преувеличением страдают сами бытующие представления о масштабах этих запасов в регионе. Специалисты призывают осторожно относиться к высказываемым оценкам: «Данные о запасах, которые сегодня приводятся различными источниками, очень приблизительны. Это — прогнозные (по международной терминологии — спекулятивные) оценки. Достоверно доказанных запасов здесь мало»¹⁴.

Но для оценки конфликтного потенциала в Арктике важно то обстоятельство, что практически все **предполагаемые углеводородные запасы Арктики сосредоточены в исключительных экономических зонах прибрежных** государств, т.е. в пределах их никем не оспариваемой юрисдикции. Центральная же часть Северного Ледовитого океана, в которой могут пересечься претензии прибрежных государств на континентальный шельф, «малоперспективна для поиска углеводородных ресурсов»¹⁵.

Иными словами, ситуация в Арктике ничем не напоминает ситуацию в Южно-Китайском море. Неурегулированных межгосударственных споров здесь немного, а остающиеся открытыми вопросы вряд ли могут привести к конфликту. В условиях высокой правовой определенности Арктике не грозит не только «передел» морских пространств, но и соперничество за доступ к углеводородным ресурсам.

Неудивительно поэтому, что при анализе военных потенциалов арктических стран специалисты не усматривают симптомы милитаризации региона.

Военная деятельность в Арктике со времен холодной войны ограничивалась военно-стратегической деятельностью СССР (России), США и связанной с ней деятельностью ряда стран НАТО. Ей посвящена включенная в настоящий раздел хрестоматии статья академика РАН А. Г. Арбатова и В. З. Дворкина. Военно-стратегическая деятельность России и США, безусловно, накладывает свой

отпечаток на межгосударственные отношения в регионе. Однако она не имеет прямого отношения к проблемам, с которыми регион сталкивается сегодня.

Первые комплексные исследования собственно арктического военного потенциала прибрежных государств и обнародованных в последние годы планов их модернизации¹⁶ свидетельствуют о том, что военная деятельность в Арктике в основном исчерпывается стратегической деятельностью России и США. Ее существенное сокращение в последние два десятилетия не компенсировалось наращиванием нестратегических конвенциональных сил прибрежных стран или планами такого наращивания. Более того, общий военный потенциал арктических государств существенно сократился после окончания холодной войны.

Сегодня, если не считать российский Северный флот, ни у одного государства в Арктике нет развернутых конвенциональных военно-морских сил и средств. В обозримой перспективе ни одно из арктических государств не планирует формирование сил и средств, которые могли бы быть оперативно развернуты в регионе, не говоря уже о крайне ограниченных возможностях обеспечения таких сил в суровых арктических климатических и погодных условиях. Поэтому ни о какой гонке вооружений или милитаризации Арктики говорить не приходится. К такому выводу приходит А. А. Храмчихин в статье, включенной в настоящий раздел хрестоматии.

Планы военного строительства арктических государств в регионе ограничиваются планами повышения их способности обеспечить мониторинг оперативной обстановки в арктических акваториях, патрулирование сухопутной арктической территории и прилегающих акваторий, повышения уровня готовности и наращивания потенциала для оперативного реагирования на чрезвычайные ситуации¹⁷.

Так, в планах Канады — закупка к 2017 г. 6–8 новых патрульных кораблей для ВМС страны. Имеется в виду, что эти суда будут использованы прежде всего для патрулирования арктических вод страны (находящиеся на вооружении ВМС Канады фрегаты хотя и осуществляют нерегулярное патрулирование в арктических водах, тем не менее не сконструированы для плавания в высоких широтах), хотя здесь продолжаются споры относительно того, не следует ли новые патрульные корабли передать не ВМС, а службе береговой охраны. В связи с этими планами с 2010 г. база берего-

вой охраны Канады на острове Баффин расширяется для приема кораблей ВМС. В планах Канады также — замена старых транспортных самолетов С-130 новыми самолетами для поиска и спасания, закупка 6 беспилотных летательных аппаратов для морского и арктического патрулирования. Все это должно сократить время реагирования на чрезвычайные ситуации в канадской Арктической зоне, хотя в ходе реализации соответствующих планов и прежде всего — в развитии опорной инфраструктуры для такого реагирования канадские вооруженные силы столкнулись с трудноразрешимыми в силу сложных погодных и климатических условиях логистическими задачами. До 5000 увеличена численность канадских рейнджеров, осуществляющих патрулирование сухопутной арктической территории страны. В планах до 2019 г. — создание специального арктического подразделения численностью до 500 человек. Его основная задача, как и задача рейнджеров, — совместное с военно-воздушными силами и силами береговой охраны реагирования на возможные в регионе чрезвычайные ситуации.

Намного более скромные планы у Норвегии и Дании. К 2015 г. в Норвегии планируется спуск на воду вспомогательного корабля, что позволит несколько расширить дальность операций пяти фрегатов ВМС страны. В то же время планов замены шести самолетов Р-3 дальнего морского патрулирования — основы арктической авиации Норвегии — пока нет. Дания планирует закупить два фрегата для своих ВМС в дополнение к трем, находящимся в настоящее время в строю. Правда, ни один из них не сконструирован для плавания во льдах. В 2017 г. Копенгаген планирует закупить третий патрульный фрегат для сил береговой охраны. Замену трех патрульных самолетов, осуществляющих патрулирование не только в районе Гренландии, но и на Балтике, или увеличение их числа Копенгаген не планирует.

Планы расширения военно-морского присутствия США в Арктической зоне и в особенности — обеспечение регулярного, если не постоянного патрулирования арктических вод страны силами береговой охраны уже несколько лет обсуждаются в США, однако практических шагов в этом направлении страна не предпринимает. Наоборот, в последние два года (2012 и 2013 гг.) США отказывались от проведения военных учений в своей Арктической зоне по соображениям экономии средств, что свидетельствует о том, что данное направление военно-морской деятельности не рассматривается

в Вашингтоне в качестве приоритетного. Сократился и немногочисленный ледокольный флот США.

Решением задач восстановления контроля над морской границей России в Арктике, создания и наращивания сил и средств для реагирования на возможные чрезвычайные ситуации и техногенные катастрофы ограничиваются и планы Российской Федерации. Исходя из того, что рост интенсивности судоходства в акватории российского Северного морского пути может сопровождаться активизацией поставок контрабанды, нелегальной миграции, переправки наркотиков, переброски террористов и других видов организованной преступности, в России ставится задача обеспечения патрулирования, мониторинга, проведения поисково-спасательных операций, а также обеспечения российского суверенитета в регионе.

В этой связи расширение российского присутствия в Арктике на обозримую перспективу предполагает планы сооружения вдоль Северного морского пути примерно двадцати пограничных застав, создание сил береговой охраны и десяти аварийно-спасательных центров для реагирования на возможные чрезвычайные ситуации в акватории Северного морского пути и обеспечения безопасности шельфовых проектов. МЧС приступил к реализации планов создания трех опорных комплексных центров в Дудинке, Нарьян-Маре и Певеке. Здесь планируется разместить основные силы и средства МЧС России, включая авиацию, предназначенные для обеспечения безопасности населения и территорий в Арктике. На втором этапе до 2020 г. планируется создать еще семь промежуточных спасательных баз в Мурманске, Архангельске, Воркуте, Надыме, Анадыре, Тикси и Провидении для хранения аварийно-спасательной техники и оборудования, необходимых для повышения оперативности проведения поисково-спасательных операций. Кроме того, МЧС планирует сформировать авиагруппировку из 12 вертолетов и двух самолетов с постоянной дислокацией на аэродромах Мурманска, Воркуты, Норильска и Анадыря, а также увеличить группировку катеров и судов¹⁸.

Основные вызовы, с которыми Российская Федерация может столкнуться в Арктике по мере расширения здесь экономической деятельности, и планы по формированию здесь системы мониторинга ситуации и организации аварийно-спасательной деятельности отражены во включенной в настоящий раздел статье И. А. Веселова.

Что же касается вооруженных сил, то планы по созданию более крепкой и масштабной группировки российских сухопутных сил на Кольском полуострове на данном этапе ограничились реорганизацией Печенегской мотострелковой бригады и ее включением с 1 декабря 2012 г. в состав российского Северного флота¹⁹.

Этим, собственно, «гонка вооружений» в Арктике и ограничилась.

Секьюритизация арктической повестки дня

Объективных оснований для прогнозирования конфликта в Арктике — из-за доступа к энергетическим ресурсам или из-за споров о разграничении морских пространств — нет. Тем не менее, налицо драматизация ситуации в регионе в современном арктическом дискурсе России и в какой-то степени — других стран региона под влиянием нагнетания алармистских настроений многочисленными публикациями в СМИ и эмоциональной реакции на них. Это обстоятельство порождает эффект, известный в науке как субъективная «секьюритизация» проблем, которые по своим объективным параметрам особой тревоги вызывать не должны.

Есть все основания исходить из того, что в обозримой перспективе поводы для секьюритизации вопросов арктической политики не исчезнут. Военные учения будут продолжаться. Арктические страны будут наращивать свой потенциал отслеживания оперативной обстановки в регионе, патрулирования сухопутной и морской Арктики, реагирования на чрезвычайные ситуации. Это естественно, поскольку имеющихся у них сегодня сил и средств недостаточно ни для выполнения ими обязательств по соглашению 2011 г. о поиске и спасании с воздуха и на море, ни для оперативного реагирования на чрезвычайные ситуации. Это значит, что их присутствие — в том числе вооруженное, силами береговой охраны — в регионе будет расширяться, хотя сегодня этот процесс и сдерживается жесткими бюджетными ограничениями.

Впереди — направление представлений Канады и Дании в Комиссию по границам континентального шельфа, уточнение российского представления. На каком-то этапе это сделают и Соединенные Штаты, далеко продвинувшиеся в реализации программы изучения своего шельфа. Лучший повод для очередного всплеска политических эмоций трудно представить.

По этой причине арктическим государствам следует предпринимать целенаправленные совместные усилия в целях десекуритизации арктической повестки дня, для того чтобы их действия, продиктованные понятной реакцией на возникающие в регионе проблемы, были правильно поняты и не давали повода для нагнетания обстановки. Для этого они могут предпринять относительно простые, но действенные шаги.

Во-первых, в условиях очевидной секьюритизации проблем Арктики напрашивается вывод о целесообразности согласования арктическими странами адекватных **мер по укреплению взаимного доверия** — обмена предварительной информацией и повышения взаимной транспарентности их военной деятельности в регионе, направления приглашений на учения и проведения совместных учений. Эту тему в своей статье в настоящем разделе хрестоматии поднимает С. К. Ознобищев.

Во-вторых, целесообразно максимально возможное **расширение сотрудничества государств** по реагированию на новые, невоенные вызовы для их безопасности в Арктике. С учетом недостаточности ресурсов отдельных стран для решения задач предотвращения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций различного рода сама жизнь подталкивает к необходимости объединения их сил и средств независимо от того, являются они членами каких-либо альянсов или нет.

Первые шаги в этом направлении уже делаются. В 2011 и 2012 гг. прошли учения стран Арктического совета в рамках соглашения о поиске и спасании с воздуха и на море. В апреле 2011 г. в Канаде в рамках этого соглашения состоялась первая встреча начальников Генеральных штабов стран Арктического совета, которые договорились проводить такие встречи ежегодно. Налажено регулярное сотрудничество сил береговой охраны России и США. Очередным поводом для расширения сотрудничества стало подписанное в 2013 г. соглашение стран Арктического совета о сотрудничестве в сфере реагирования на загрязнения моря нефтью в Арктике.

Но это — лишь первые шаги. Правилom должно стать тесное сотрудничество всех арктических государств в совместном решении общих задач. Для этого потребуются и большая открытость со стороны «западных» арктических государств, и более энергичная политика Российской Федерации, направленная на то, чтобы российские силы береговой охраны, МЧС, военно-морской флот стали неотъемлемой частью общей арктической системы предуп-

реждения и реагирования на чрезвычайные ситуации, пресечение незаконной деятельности.

Значительный потенциал для сотрудничества — в налаживании обмена информацией и совместного мониторинга оперативной обстановки в Северном Ледовитом океане соответствующими службами арктических государств. Такое взаимодействие имело бы огромное значение не только для реагирования на новые вызовы, но и для обеспечения безопасности все более интенсивного судоходства.

Наконец, *в-третьих*, важно, чтобы у арктических стран был **форум для оперативного обсуждения вопросов безопасности** региона, на котором они смогут поставить любые возникающие у них вопросы и снять необоснованные озабоченности. Сегодня такой площадки нет. В 1996 г. учредители Арктического совета в явной форме исключили возможность обсуждения в рамках совета вопросов военной безопасности. Разумность этого решения сегодня ставится рядом экспертов под вопрос²⁰.

В конечном итоге не столь важно, станет ли таким форумом Арктический совет. Важно, чтобы такая площадка появилась. Возможно, регулярные встречи начальников Генеральных штабов арктических стран станут первым шагом в этом направлении. Возможно, будет найдено иное решение. Однако ясно, что если у арктических стран появляются вопросы относительно военной деятельности других стран и если у них нет институциональной возможности высказать эти озабоченности и получить на них исчерпывающий ответ, то эффект секьюритизации арктической политики будет только нарастать.

Примечания

¹ Александров О. Б. Лабиринты арктической политики // Россия в глобальной политике. 2009. № 4. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/print/number/n_13634.

² Апанасенко В. М. Новая мировая война может начаться в Арктике. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://inforos.ru/ru/?module=news&action=view&id=32583>. Материал опубликован 29 ноября 2012 г.

³ Вылегжанин А. Н. и др. Предложения к дорожной карте развития международно-правовых основ сотрудничества России в Арктике / Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2013. С. 23.

⁴ См., в частности: Конышев В. Н., Сергунин А. А. Арктика в международной политике: сотрудничество или соперничество? М.: РИСИ, 2011. С. 43.

⁵ Конышев В. Н., Сергунин А. А. Арктика в международной политике: сотрудничество или соперничество? С. 134 – 141.

⁶ См., в частности: *Холодков В. М.* НАТО и Арктика. Доклад начальника сектора международных экономических организаций Центра экономических исследований РИСИ В. М. Холодкова на прошедшей 5 июня [2013 г.] в Санкт-Петербурге международной конференции «Арктика в процессе глобализационных изменений», организованной Русским географическим обществом, РИСИ, Санкт-Петербургским государственным университетом и Российским гидрометеорологическим университетом. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.riss.ru/index.php/analitika/188-nato-i-arktika>.

⁷ *Rozoff R.* NATO's Arctic Military Alliance. Britain Spearheads "Mini-NATO" In Arctic Ocean, Baltic Sea // Global Research. 2011. January 23. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=22919>.

⁸ См., в частности: *Апанасенко В. М.* Указ. соч..

⁹ *Холодков В. М.* Указ. соч.

¹⁰ Декларация Конференции по вопросам Северного Ледовитого океана, Илулиссат, Гренландия, 27 – 29 мая 2008 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-dos.nsf/45682f63b9f5b253432569e7004278c8/4f5a1690c129f353c325788f0036a493?OpenDocument>.

¹¹ China and the High North. Speech by Chinese Ambassador Zhao Jun at the Arctic Frontiers Conference, 21 January, 2013. P. 3. См. также: *Jakobson L., Jingchao P.* China's Arctic aspirations // SIPRI Policy Paper. 2012. No 34.

¹² См.: *Jakobson L.* China prepares for an ice-free Arctic Aspirations // SIPRI Insights on Peace and Security. 2010. No 2. P. 13.

¹³ Подробнее см.: *Загорский А. В.* Проблемы арктического сотрудничества и механизмы их решения // Арктика: зона мира и сотрудничества / Отв. ред. А. В. Загорский. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 179 – 180.

¹⁴ *Телегина Е. А.* Освоение природных ресурсов // Россия в полицентричном мире / Под ред. А. А. Дынкина, Н. И. Ивановой. М.: Весь мир, 2011. С. 481.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Wezeman S. T.* Military Capabilities in the Arctic // SIPRI Background Paper. March 2012.

¹⁷ См., в частности, *Wezeman S. T.* Military Capabilities in the Arctic // SIPRI Background Paper. March 2012.

¹⁸ См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.arctic-info.ru/News/Page/glava-mcs-nazval-klucevie-zadaci-dla-arkticeskih-avariino-spasatel_nih-centrov (дата обращения: 18 января 2013 г.); [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.arctic-info.ru/News/Page/v-dyinke-do-konca-goda-poavitsa-arkticeskoe-avariino-spasatel_noe-formirovanie (дата обращения: 18 декабря 2012 г.).

¹⁹ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.arctic-info.ru/News/Page/v-sostave-severnogo-flota-poavitsa-motostrelkovaa-brigada> (28 ноября 2012 г.).

²⁰ См., в частности: *Berkman P. A.* Preventing an Arctic Cold War // The New York Times. 2013. March 12.

С. К. Ознобищев

Военная деятельность приарктических государств*

Политика и деятельность пяти приарктических государств в наибольшей степени влияют на формирование как арктического режима, так и ситуации в сфере безопасности в Арктике.

Дания. Руководство этой страны в последнее время уделяет значительное внимание Арктике, о чем, в частности, свидетельствует интенсивность обсуждения арктических проблем в различных форматах. 27–29 мая 2008 г. в гренландском городе Илулиссат состоялась Конференция по Северному Ледовитому океану. Кроме представителей организаторов (Дания/Гренландия) в ней принимали участие министры иностранных дел России, США, Канады и Норвегии.

24 июня 2009 г. парламентом страны был принят план безопасности Дании на период 2010–2014 гг., значительная часть которого посвящена Арктическому региону. В документе, в частности, говорится: «Возрастающая активность в Арктике изменит геополитическое значение региона и в долгосрочном плане создаст больше вызовов для датских вооруженных сил». Дания собирается разместить в Арктике воинскую часть быстрого реагирования и командный пост. Согласно плану, на нужды вооруженных сил в этот период будут ежегодно выделяться дополнительно 600 млн датских крон¹.

С 8 по 19 июня 2009 г. с участием Дании в акватории Балтийского моря прошли маневры военно-морских сил (ВМС) стран НАТО «Балтик оперейшнз». Объявлено о планах Дании создать универсальное арктическое командование и арктические силы

* *Ознобищев С. К.* Военная деятельность приарктических государств // Россия в полицентричном мире. М.: Весь мир, 2011. Гл. 39. С. 12–20.

В работе использованы результаты исследования, проведенного автором совместно с В. М. Апанасенко. См.: *Апанасенко В. М., Ознобищев С. К.* Конвенциональные вопросы безопасности в Арктике // Арктика: зона мира и сотрудничества / Под ред. А. В. Загорского. М.: ИМЭМО РАН, 2011.

реагирования, усилить военное присутствие на авиабазе в Туле (Гренландия), которая будет открыта для союзников по НАТО. Зона ответственности нового командования будет ограничиваться районами Гренландии и Фарерских островов. Предусматривается, что в операциях арктического спецназа по «сохранению и поддержанию суверенитета Гренландии» будет задействована военная авиация. Планируется модернизировать саму военную базу в Туле².

Канада. Канадские эксперты высказывают серьезные опасения, что процесс передела сфер влияния в Арктике будет развиваться очень быстро, так как запасы углеводородов в наиболее пригодных для добычи местах быстро сокращаются, а доступ к залежам нефти и газа в Северном Ледовитом океане по мере таяния льдов из-за глобального потепления будет облегчаться. Канада, не обладая военной мощью России или США, использует имеющиеся в ее распоряжении средства, включая политико-правовые для подготовки к такому развитию событий.

В 2008 г. было заявлено о расширении юрисдикции Оттавы в Арктике на расстояние до 200 миль от побережья. Главная цель этого шага — укрепление контроля над Северо-Западным морским путем, который США и многие другие страны считают международным. Речь идет о расширении географии действия канадского закона о предотвращении загрязнения арктических вод (до 2008 г. он работал лишь в 100 милях от побережья Канады)³.

Этот шаг продолжает намеченную еще в начале 70-х годов прошлого века линию на объявление Северо-Западного прохода частью внутренних вод Канады. Одновременно Оттава ставит под сомнение претензии России на проходящий по дну арктических морей хребет Ломоносова и, со своей стороны, намерена доказать свои эксклюзивные права на его разработку.

Канада интенсифицирует и военную деятельность. Только в 2007 г. канадские вооруженные силы четыре раза проводили в Арктике учения, включая стрельбы с применением боевых снарядов. В 2009 г. во время военных учений «Оперейшн Нанук» боевые навыки действий в приполярных широтах совершенствовали 500 солдат Вооруженных сил Канады. Планируется увеличить численность подразделений рейнджеров в Арктике на 640 человек.

Эти подразделения, которые сейчас насчитывают 1622 военнослужащих, участвуют в патрулировании обширной территории и привлекаются к поисково-спасательным операциям. В подготов-

ленном в мае 2009 г. докладе Сената канадского парламента отмечается необходимость более активного использования подразделений рейнджеров, оснащения их техникой, необходимой для патрулирования не только суши, но и прибрежных зон.

В 2009 г. канадская полиция начала патрулирование реки Макензи, что расценивается как очередная демонстрация готовности защищать национальные интересы в Арктике. Суда береговой охраны Канады провели военные учения в море Бофорта.

В декабре 2009 г. канадское правительство объявило о намерении открыть в Ланкастерском проливе (близ восточного входа в Северо-Западный проход) национальный морской заповедник. Речь может идти о попытке закрыть под этим предлогом большую часть акватории для судов других государств.

В мае 2008 г. была принята первая стратегия обороны Канады. В ней была подчеркнута необходимость обеспечения «дополнительной поддержки военными средствами» национальных интересов страны в арктических районах⁴.

В июле 2009 г. была обнародована «Северная стратегия» Канады. В соответствии с этим документом для утверждения канадского суверенитета в Арктике предполагается построить восемь судов арктического класса, ледокол большого водоизмещения, развивать средства космического наблюдения, создать специальное военное подразделение, базирующееся в Арктическом районе, развивать концепцию рейнджеров и построить глубоководный порт⁵. Мировой финансовый кризис и иные ограничения не позволили пока реализовать эти планы в полном объеме.

Имеющиеся претензии Канады и возникающие в связи с этим спорные ситуации Россия призывает решить на основе международного права. На встрече с главой МИД Канады Л. Кэнноном министр иностранных дел РФ С. Лавров заявил, что вопрос о принадлежности хребта Ломоносова может решить только комиссия ООН по границам континентального шельфа⁶.

Норвегия. Норвежцами разработана программа развития северных территорий, получившая название «Баренц-2020». Данный план определяет политику страны в арктических районах.

В действиях властей Норвегии обозначились попытки сократить иностранную экономическую и научную деятельность на о. Шпицберген, поставив ее под полный национальный контроль и управление. Осло также пытается установить одностороннее норвежское регулирование в прилегающей к архипелагу аквато-

рии и на шельфе. Однако даже союзники Норвегии по НАТО выражают неприятие такой политики.

Российские военные эксперты обратили внимание на передислокацию операционного командования вооруженными силами из района г. Ставангера в южной части страны в Рейтан в окрестностях Бодо на севере страны. Норвегия стала первой страной, разместившей операционное командование в арктических широтах — в непосредственной близости от района возможных конфликтов за обладание ресурсами Арктического региона.

С 8 по 18 июня 2009 г. норвежские силы участвовали в учениях НАТО под кодовым названием «Лойал Эрроу». Они также принимали участие в крупных командно-штабных учениях по аттестации Сил реагирования НАТО под условным наименованием «Стедфаст Джанкчер 2009».

В последнее время участились случаи задержки и проверки российских рыболовных судов в тех районах Баренцева моря, которые ранее считались районами совместного лова.

В 2010 г. был обнародован доклад бывшего министра иностранных дел Т. Столтенберга, в котором содержится призыв к созданию «оборонительного союза» пяти стран (Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии и Швеции) для защиты своих интересов в Арктике⁷. По замыслу автора, такой союз может стать основой для самого широкого сотрудничества и укрепления военных позиций указанных стран в Арктическом регионе.

Соединенные Штаты Америки. В последние годы арктическая политика все чаще оказывается в центре внимания законодательной и исполнительной власти США.

Осенью 2008 г. Сенат принял положение об определении границ морской экономической зоны и континентального шельфа США. Была создана комиссия, в задачу которой входит составление точной карты территориальных вод США. В 2009 г. Министерство ВМС США обнародовало документ под названием «Арктический план действий ВМС», в котором определяются цели и задачи ВМС в Арктике на период до 2014 г.

При принятии стратегических решений национальной политики США в документе предлагается, в том числе, принимать во внимание изменения арктического климата, вероятность роста добычи природных ископаемых, необходимость обеспечения условий для судоходства в Арктике, действия и интересы других арктических государств⁸.

В «Арктическом плане» отмечается, что «ключевыми стратегическими документами, влияющими на этот план действий, являются Директива президента по национальной безопасности № 66, Директива президента по внутренней безопасности № 25», а также «Совместная стратегия для морской державы XXI в.»⁹. Хотя практически во всех американских документах подчеркивается необходимость «мирного разрешения спорных ситуаций», некоторые их положения вызывают у российских экспертов уверенность, что Арктика рассматривается Вашингтоном как возможное поле боя.

Так, провозглашается, что Национальная арктическая политика призвана объединить усилия Госдепартамента, Министерства внутренней безопасности и Министерства обороны для «расширения возможностей по защите границ США в случае необходимости». Применительно к Арктическому региону декларируется, в частности, необходимость обеспечения передового базирования, а также, при необходимости, сдерживания противников посредством устрашения (*deterrence*)¹⁰. Данный термин в официальных документах США применяется исключительно в привязке к ядерному сдерживанию. В итоге у экспертов появляется повод утверждать, что интересы безопасности США в Арктике, как и в других районах мира, подкрепляются именно посредством такого вида сдерживания.

В «Совместной стратегии» отмечается, что «климатические изменения постепенно способствуют освобождению ото льда вод Арктической зоны, что важно не только для добычи новых ресурсов, но и для прокладки новых морских путей и что способно, таким образом, изменить весь облик глобальной транспортной системы». Отмечается также, что «в то время как подобные изменения предоставляют новые возможности для развития, они, одновременно, представляют собой потенциальные источники для соперничества и конфликтов в борьбе за доступ к этим возможностям и природным ресурсам»¹¹. Подобные же опасения высказаны в Национальной арктической политике, где подчеркивается, что изменения в состоянии окружающей среды и соперничество за обладание ресурсами могут способствовать росту напряженности в Арктике.

В достаточно широком контексте цели США в Арктике представлены в двух упомянутых выше директивах Президента США. В них констатируется растущее понимание того, что Арктика богата природными ресурсами, и декларируются масштабные цели США в регионе.

Отмечается, что у Соединенных Штатов «есть широкие и фундаментальные интересы в Арктическом регионе» и что Вашингтон готов действовать «либо независимо, либо совместно с другими государствами, чтобы обезопасить эти интересы». Среди последних выделены такие вопросы, как «противоракетная оборона и системы раннего оповещения; развертывание морских и воздушных систем для стратегических морских перевозок, стратегического сдерживания, присутствия на морях и операций морской безопасности; а также вытекающая из этого свобода навигации и пролета над территорией». В документе ставится задача «сохранения глобальной мобильности американских военных и гражданских судов и самолетов на всем пространстве Арктического региона»¹². Утверждается, что именно ратификация конвенции ООН по Морскому праву позволит Вашингтону рассчитывать на официальное закрепление за собой «подводных окраин» собственного материка или подводных возвышенностей, которые в соответствии с Конвенцией могут быть квалифицированы как часть национального континентального шельфа.

В Москве и Вашингтоне внимательно следят за лексикой документов и высказываний представителей другой стороны. Западные источники обратили внимание на сообщение радиостанции «Голос России», в котором давалась следующая оценка принятых США документов: «президент Джордж У. Буш утвердил военное “морское могущество” США над богатой нефтью Арктикой в очередных попытках гарантировать постоянное американское присутствие в регионе и развертывание там объектов ПРО. Согласно тексту широкомасштабной новой директивы по Арктике, выпущенной всего за восемь дней до инаугурации Барака Обамы, Соединенные Штаты объявляют территории внутри Полярного круга зоной своих стратегических интересов. Новой администрации посоветовали расширить американское присутствие в Арктике»¹³.

В официальных документах США, в том числе посвященных Арктике, подчеркивается особая роль ВМС. Будущую ситуацию в этом регионе архитекторы американской стратегии включают в список «вызовов новой эры», к которым США необходимо быть готовыми. Многие российские эксперты и политики уверены, что США будут по-прежнему использовать ВМС для демонстрации военной мощи и давления на государства, политика которых не устраивает Вашингтон.

К настоящему времени США дислоцируют на Аляске 24 тыс. военнослужащих, три базы армии (сухопутных войск), три — ВВС, несколько объектов береговой охраны. Не исключено дальнейшее наращивание сил и средств США в этом регионе.

На Аляске проведены учения «Северный край — 2008». В них участвовали 5 тыс. военнослужащих, 120 самолетов и несколько кораблей, в том числе авианосец¹⁴. В 2009 г. аналогичные военные учения «Оперейшн Нанук» проводились в приполярных широтах с участием 500 солдат Вооруженных сил Канады.

В 2009 г. по инициативе США было проведено крупное командно-штабное учение по аттестации сил реагирования НАТО под условным наименованием «Стедфаст Джанкчер 2009».

Российские эксперты в военно-морской области рассматривают роль ВМС США как направленную на реализацию установки на лидерство не только в Арктике, о чем говорится и в американских официальных документах. Отмечается, что при проведении международных миротворческих, спасательных, гуманитарных и других операций ВМС США и Объединенных военно-морских сил (ОВМС) НАТО речь идет об укреплении доминирующих позиций на море, прежде всего имея в виду Россию, Китай и Индию¹⁵.

Россия. Российская Федерация неоднократно заявляла, что намерена активно защищать свои интересы в Арктике. Одним из компонентов решения этой задачи являются попытки расширить свой континентальный шельф.

В 2001 г. Россия подала соответствующую заявку в ООН, которая, однако, была отклонена «за недостаточностью доказательств». В развитие этой темы в 2007 г. Россия направила в Арктику специальную экспедицию для глубоководных исследований в районе Северного полюса и сбора доказательств того, что подводные хребты Ломоносова и Менделеева являются продолжением Сибирской континентальной платформы. В связи с этим полномочный представитель Президента России по международному сотрудничеству в Арктике и Антарктике А. Чилингаров заявил, что национальные интересы обязывают ученых с научной точки зрения доказать, что «подводные хребет Ломоносова и поднятие Менделеева по геологическому строению являются безусловным продолжением материковой части Российской Федерации»¹⁶.

Исходя из положений Конвенции ООН по морскому праву, Россия планирует официально расширить и оформить междуна-

родные границы своего континентального шельфа в Арктике, что имеет для страны стратегическое значение. Первоначально Россия планировала представить уточненную заявку в начале 2010 г. Однако впоследствии срок был перенесен на 2013 г.

В случае положительного решения Комиссии ООН площадь российского арктического континентального шельфа за пределами 200-мильной экономической зоны может составить около 1,2 млн кв. км. «Использование этих ресурсов — залог энергетической безопасности России», — заявил на одном из заседаний Совета Безопасности России президент Д. Медведев.

Председатель российского правительства В. Путин, посетив в апреле 2010 г. Землю Франца-Иосифа, подтвердил, что Россия имеет стратегические интересы в Арктике. Он выразил убежденность в том, что «геополитические, глубинные интересы России связаны с Арктикой» и что «здесь обеспечивается безопасность и обороноспособность России»¹⁷. Таким образом, Россия, как и другие страны, тесно увязывает достижение своих экономических интересов в Арктике с обеспечением обороноспособности страны.

Проблемам Арктики было посвящено несколько заседаний Совета Безопасности. В сентябре 2008 г. было проведено его специальное заседание по защите национальных интересов России в Арктике. В своем выступлении президент Д. Медведев отметил: «Мы должны надежно и на долгосрочную перспективу обеспечить национальные интересы России в Арктике»¹⁸.

В 2008 г. Совет Безопасности принял «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу». В документе содержится конкретное упоминание о силовой составляющей защиты интересов России в этом регионе. Отмечается, что одной из главных целей российской государственной политики в Арктике в сфере военной безопасности, защиты и охраны пролегающей в Арктической зоне государственной границы является «обеспечение благоприятного оперативного режима в Арктической зоне Российской Федерации, включая поддержание необходимого боевого потенциала группировок войск (сил) общего назначения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов в этом регионе»¹⁹.

17 марта 2010 г. на заседании Совета Безопасности, посвященном вопросам изменения климата, президент Д. Медведев выразил озабоченность тем, что другие «приполярные страны предприни-

мают активные шаги по расширению своего научно-исследовательского, экономического и даже военного присутствия в зоне Арктики». При этом он обратил внимание на то, что, «к сожалению, наблюдаются попытки ограничить доступ России к освоению и разработке арктических месторождений, что, конечно, недопустимо с правовой точки зрения и несправедливо в силу географического положения и самой истории нашей страны»²⁰.

Россия, как и другие страны, обеспокоена изменением мирового климата, которое может затронуть ее интересы и безопасность в Арктическом регионе. Принята Климатическая доктрина, комплекс мер по реализации которой предстоит подготовить. Москва выражает озабоченность тем, что «климатические изменения могут породить не только физические изменения, изменения в области природной среды, но и межгосударственные противоречия, которые связаны с поиском и добычей энергоносителей, с использованием морских транспортных путей, биоресурсов, с дефицитом водных и продовольственных ресурсов»²¹. Таким образом, как и у Вашингтона, климатическая составляющая у Москвы все больше рассматривается в качестве компонента национальной безопасности.

Общеизвестно, что Россия обладает значительным военным потенциалом в Арктике. Однако на современном этапе основная часть российского профессионального экспертного сообщества рассматривает его, главным образом, в контексте стратегического баланса с США. При этом военно-морское присутствие России в Арктике существенно сокращается (см. табл.).

Таблица

Сокращение количественного состава военно-морских сил и средств России в Арктике (1990–2010 гг.)

№ п/п	Наименование	Количество (по годам)					Примечание
		1990	1995	2000	2005	2010	
1	Боевые надводные корабли	575	220	146	121	101	Снижение в 5,7 раза
2	Подводные лодки	283	87	61	30	26	Снижение в 10,9 раза
3	Боевые катера	370	115	60	45	29	Снижение в 12,8 раза

Источник: Заборский В. В. Куда плывет военно-морской флот России? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://nvo.ng.ru/armament/2004-07-16/6_flot.html.

Из приведенных данных следует: военно-морская деятельность Российской Федерации все эти годы постоянно сокращалась. Корабельный состав был сокращен в 7,9 раза. Среднее количество ежегодно проводимых военно-морских учений сократилось более чем в шесть, а их масштабность — почти в пять раз. При этом происходило некоторое совершенствование военно-морской составляющей. Главком ВМФ адмирал В. Высоцкий отметил, что «продолжается наращивание боевых возможностей группировок сил общего назначения Северного и Тихоокеанского флотов, дислоцированных в Арктической зоне Российской Федерации, за счет поступления в состав ВМФ кораблей новой постройки»²². Однако, по свидетельству специалистов, ежегодно в состав флота поступают 1–2 новых корабля, т.е. в 3–4 раза меньше, чем выводится.

Министр иностранных дел С. Лавров заявлял, что у России нет планов по увеличению своего военного присутствия в Арктике и по развертыванию вооружений в этом регионе²³. Таким образом, можно говорить только о совершенствовании и модернизации имеющегося потенциала.

Приведенные выше свидетельства военной деятельности зарубежных государств в Арктическом регионе весьма остро воспринимаются в России. Это проявляется при любом обсуждении арктических проблем в политико-экспертной среде, в институтах исполнительной и законодательной власти, где готовятся проекты государственных решений. На главный вопрос — против кого направлены маневры в Арктике, отечественные эксперты отвечают однозначно: «Против России», усматривая в военных маневрах других стран угрозу для национальной безопасности страны.

Россия категорически выступает против блоковой военной деятельности в Арктическом регионе. Это относится к деятельности НАТО, проводимым под ее эгидой учениям. Москва при этом, по словам С. Лаврова, «исходит из того, что в Арктическом регионе нет проблем, которые нуждались бы в военных решениях и оправдывали бы присутствие здесь военно-политических блоков»²⁴.

Несмотря на прогресс, достигнутый на других направлениях обеспечения региональной и мировой безопасности, сохраняются предпосылки для того, чтобы рассматривать Арктику в качестве возможной арены военных действий. Этому в последнее время способствует всплеск интереса к данному региону в различных странах, приобретающий характер соперничества, за которым может последовать демонстрация и даже локальное применение силы.

Подготовка и само поддержание готовности к силовому обеспечению национальных экономических и иных интересов в Арктике создают напряженность в регионе. Сравнение военно-морских потенциалов «в арктическом контексте» весьма проблематично, поскольку критерии приведения их «к единому знаменателю» (в первую очередь применительно к США и России) будут спорными.

Численность дислоцированных собственно в Арктическом регионе сил и средств не показательна, поскольку в случае угрозы военного конфликта сюда могут быть подтянуты гораздо более крупные силы, и не только военно-морские. Разрешение же любого инцидента или конфликта между арктическими странами сегодня видится сугубо в политико-дипломатическом ключе.

Кроме того, для США и России весьма условным окажется выделение части военно-морских сил как способных выполнять только неядерные задачи. Традиционным аргументом для российских военных экспертов в оправдание масштабного военного присутствия в Арктической зоне является необходимость обеспечения баланса в глобальном ядерном контексте. Что же касается демонстрации силы, например, в спорной рыболовной зоне, то она может быть проведена и одним боевым кораблем.

Несмотря на улучшение международной ситуации, политические деятели стран Арктического региона заявляют о готовности к вооруженным действиям. В документах в области национальной безопасности этих государств сохраняются логика и лексика времен холодной войны. В ряде случаев действия стран Арктического региона направлены на укрепление военных позиций в регионе, что порождает опасения и недоверие, создает стимул для пока что вялотекущего соперничества в наращивании военных сил и средств в Арктике.

Представляется целесообразным, чтобы страны Арктического региона в целях долгосрочной стабилизации ситуации предприняли ряд шагов. Необходимо в максимально возможной степени завершить юридическую проработку и принятие документов, вносящих ясность в спорные вопросы, связанные со статусом и деятельностью государств в Арктике.

Необходимо завершить эффективное, отвечающее интересам сторон разграничение морских пространств в Северном Ледовитом океане. Этому должно способствовать придание Конвенции ООН по морскому праву универсального характера, в том числе, за счет присоединения к ней США.

Перспективным представляется расширение полномочий Арктического совета, придание ему третейских функций. Необходимо проработать процедуры решения спорных вопросов, возникающих между странами региона.

Страны, имеющие выход в Арктическую зону, тесно увязывают цели достижения своих экономических интересов в Арктике с обеспечением обороноспособности. Однако на нынешнем этапе формальное ограничение военно-морской деятельности в Арктической зоне не рассматривается ими, в том числе Россией, в качестве меры, отвечающей интересам национальной безопасности. Страны региона по-прежнему рассматривают национальные ВМС как необходимое средство обеспечения (защиты) собственных интересов в Арктике.

Для смягчения возникающих в этой связи противоречий можно продумать систему взаимных ограничений на перемещение ВМС в Арктике и взаимных уведомлений. Ограничения военно-морской и иной деятельности в регионе могут быть наиболее эффективным образом обеспечены только при создании действенной системы оповещения и соблюдения интересов сторон. В более широком плане обеспечение интересов стран Арктического региона, разрешение спорных вопросов требует учета конкретных озабоченностей сторон и пакетных решений.

С целью защиты окружающей среды можно обязать арктические страны вести мониторинг за деятельностью гражданских и военных судов, летательных аппаратов, шельфового и другого оборудования любых стран. При этом следует предусмотреть механизм оповещения мирового сообщества о результатах такого мониторинга.

Важной мерой, которая будет способствовать укреплению доверия и стабильности в регионе, является постепенная корректировка, на основе взаимности, положений национальных документов в сфере национальной безопасности, которые применимы к Арктическому региону. С целью координации этого процесса можно было бы предложить организацию постоянно действующего семинара по военным доктринам и военному присутствию в Арктике.

Перспективным направлением может стать выработка Кодекса поведения в Арктике, который представлял бы собой свод принципов деятельности государств в регионе. Само обсуждение положений такого кодекса еще раз акцентировало бы внимание на общих проблемах и конкретных озабоченностях стран — участниц аркти-

ческого процесса, тем самым способствуя смягчению имеющихся противоречий.

Важной задачей представляется совершенствование диалога в Арктическом регионе. Встречи «арктической пятерки» на уровне глав МИД России, США, Канады, Норвегии и Дании представляют собой форум для проработки конкретных решений, которые были бы обязательны к исполнению другими участниками арктического процесса. Представляется возможным совмещение разных организационных форматов для принятия тех или иных решений (от «пятерки» до «восьмерки» стран — членов Арктического совета).

Важный импульс решению проблем Арктики мог бы дать саммит глав арктических государств.

Примечания

¹ *Цыганок А.* Арктика и безопасность России. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2009/07/17/arktika-site-anons.html>.

² *Саможнев А.* Дания расширяет военное присутствие в Арктике. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2009/07/17/arktika-site-anons.html>.

³ *Жуйков Д.* Канада откусила кусочек Арктики. 29 августа 2008. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rbcdaily.ru/2008/08/29/focus/374267>.

⁴ Canada First Defence Strategy. May 2008. URL: http://www.forces.gc.ca/site/focus/first-premier/June18_0910_CFDS_english_low-res.pdf.

⁵ Canada, Foreign Affairs and International Trade Canada, Canada's Arctic Foreign Policy. 2009. December 21. URL: http://www.international.gc.ca/ministers-ministres/Cannon-Arctic_Foreign_PoHcy-Politique-etrangere-arc-tique.aspx?lang=eng.

⁶ Хребет России (Сергей Лавров отверг претензии Канады на российское дно Северного Ледовитого океана). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vz.ru/politics/2010/9/16/433025.html>.

⁷ Nordic military alliance to challenge Russia in Arctic. 2010. March 26. URL: <http://www.gzt.ru/topnews/politics/-rossiya-i-nato-po-raznomu-vidyat-raketnye-ugrozy-/334249.html>.

⁸ Navy Arctic Roadmap. Department of the Navy. 2009. November 10. URL: http://www.navy.mil/navydata/documents/USN_artic_roadmap.pdf.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ A Cooperative Strategy for 21st Century Seapower. October 2007. URL: www.navy.mil/maritime/MaritimeStrategy.pdf.

¹² National Security Presidential Directive and Homeland Security Presidential Directive (NSPD-66/HSPD25). 2009. January 9. URL: <http://www.fas.org/irp/offdocs/nspd/nspd-66.htm>.

¹³ *Розофф Р.* Непредсказуемый Кэннон и ядерные подлодки: Запад готовится к арктической войне. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/usa/20091215/157021197.html>.

¹⁴ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2008-07-15/1_arktika.html.

¹⁵ *Иринин М.* Объединенные военно-морские силы НАТО на горизонте 2030 года. Центральный военно-морской портал. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://flot.com/nowadays/concept/opposite/natoforcesdevelopment.htm?print=Y>.

¹⁶ *Добровольский А.* Запад хочет лишить Россию Арктики. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.km.ru/news/zapad_xochet_lishit_rossiyu_arkt.

¹⁷ *Карпова А.* Арктический порядок. 2010. 5 июля. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.interfax-russia.ru/print.asp?id=157015&type=view>.

¹⁸ Выступление на заседании Совета Безопасности «О защите национальных интересов России в Арктике». 17 сентября 2008 года. Москва, Кремль. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.president.kremlin.ru/transcripts/1433>.

¹⁹ Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. Утверждены Президентом Российской Федерации Дмитрием Медведевым 18 сентября 2008 г. Пр-1969. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.rg.ru/2009/03/30/arktika-osnovy-dok.html.

²⁰ Заседание Совета Безопасности по вопросам изменения климата. 17 марта 2010 года. Москва, Кремль. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.president.kremlin.ru/news/7125>.

²¹ Заседание Совета Безопасности по вопросам изменения климата. 17 марта 2010 года. Москва, Кремль. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.president.kremlin.ru/news/7125>.

²² ВМФ России наращивает боевые возможности в Арктике. 2010. 2 октября. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://news.mail.ru/politics/4529941>.

²³ Россия не планирует размещать войска в Арктике. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.newsru.com/russia/29apr2009/arctic.html>.

²⁴ Лавров: в Арктике нет проблем, оправдывающих появление военных блоков. 15 октября 2009 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://rian.ru/defense_safety/20091015/188977998.html.

В. Н. Коньшев, А. А. Сергунин

Ремилитаризация Арктики и безопасность России*

В начале XXI в. обострилось соперничество за контроль над природными ресурсами и транспортными коммуникациями Арктики. Как вполне закономерное продолжение этого соперничества наметилась тенденция к ремилитаризации региона по ряду направлений.

Прежде всего, происходит усиление военного присутствия арктических держав в регионе. Так, в последние годы заметно возросло количество американских, норвежских и российских судов и самолетов, находящихся на боевом дежурстве в морском и воздушном пространствах Арктики. Возросло также количество военных учений как по линии отдельных государств, так и военно-политических организаций. Началась ускоренная модернизация вооруженных сил арктических держав, дислоцированных в Арктике, и соответствующей военной инфраструктуры. США, Канада и Россия приняли решения о модернизации и строительстве новых военных баз в Арктике. Страны региона стали активнее использовать военно-морские флоты для отстаивания своих экономических интересов.

Возникает закономерный вопрос: насколько эта тенденция затрагивает интересы России и создает угрозу ее безопасности?

В данной статье рассматриваются основные направления и уровни ремилитаризации Арктического региона, а также возможные последствия этого опасного процесса как для России, так и региональной подсистемы международной безопасности.

Ремилитаризация Арктики происходит на трех основных уровнях — национальном, коалиции пяти стран Северной Европы и НАТО.

Национальный уровень

США. США не проявляли серьезного интереса к Арктике со времени окончания холодной войны вплоть до оживления деятель-

* *Коньшев В. Н., Сергунин А. А.* Ремилитаризация Арктики и безопасность России // Национальная безопасность. 2011. № 3.

ности России на Крайнем Севере, начавшегося после 2004 г. В особенности настороженно в США были восприняты возобновление тренировочных полетов российской стратегической авиации, планы по модернизации Северного флота и экспедиции в Арктику, связанные с поиском доказательств правомерности российских претензий на расширение ее континентального шельфа.

Военно-стратегические интересы США были очерчены в принятой 12 января 2009 г. (незадолго до отставки Дж. Буша-младшего) директиве по арктической политике. В ней подчеркивается, что «в Арктике Соединенные Штаты имеют широкие фундаментальные интересы в сфере национальной безопасности и готовы действовать независимо либо в союзе с другими государствами по защите этих интересов». Арктическая доктрина США выделяет две категории их интересов в сфере национальной безопасности.

Во-первых, это военно-стратегические интересы, среди которых наиболее приоритетными являются противоракетная оборона и раннее предупреждение; развертывание наземных и морских средств для стратегической переброски сил; стратегическое сдерживание; присутствие военно-морских сил и проведение морских операций; свобода навигации и перелетов. Именно в защиту этих интересов США при необходимости готовы действовать в одностороннем порядке.

Во-вторых, это связанные с ними интересы обеспечения внутренней безопасности по предупреждению террористических атак или других преступных действий в Арктике. Видимо, этот пункт не стоит понимать буквально. Скорее, его наличие объясняется стремлением Вашингтона обеспечить на будущее легитимность военно-силовых действий в Арктике под предлогом борьбы с международным терроризмом.

Планы американских военных в Арктике весьма обширны. Пентагон считает, что Арктика должна рассматриваться как отдельный район операций, требующий изменения границ ответственности Тихоокеанского и Европейского региональных командований в пользу Северного. В частности, речь идет о передаче Аляски с ее инфраструктурой НОРАД и части прилегающей морской акватории в ведение Северного командования. Предлагается, чтобы это командование отвечало за огромные территории по периметру вокруг полюса: от Камчатки, далее к северу Гренландии, к Земле Франца-Иосифа, Новосибирским островам и к острову Врангеля.

Особое место в американских дискуссиях о будущей стратегии в Арктике занимает вопрос о развитии ледокольного флота. Причем, в данном случае тесно переплетаются экономические и военно-стратегические интересы США. На слушаниях в конгрессе США адмирал Т. Аллен отметил, что «Россия в 2009 г. завершает программу строительства национальных атомных ледоколов нового поколения, что гарантирует ей наличие нескольких тяжелых ледокольных судов далеко за 2020 г.». Т. Аллен напомнил, что спущенный на воду в 2007 г. ледокол «50 лет Победы» гарантирует России доступ к природным ресурсам, находящимся в регионе Арктики. В связи с этим США необходимо вкладывать средства в строительство новых ледоколов, так как срок эксплуатации старых подходит к концу. Мнение Т. Аллена поддержали как республиканцы, так и демократы в конгрессе.

Более умеренную позицию занимает глава комиссии США по исследованию Арктики М. Тредуэлл. Он не против развития ледокольного флота, но считает, что природные изменения в Арктике в ряде случаев позволяют обойтись и без его услуг. Потепление климата и появление в Арктике свободных ото льда пространств открывают для США совершенно новые возможности.

В качестве компромиссного варианта США решили модернизировать старый ледокольный флот, использующий дизельное топливо. В настоящий момент у США есть три ледокола, способные действовать в арктических широтах: *Polar Star* (с 1976 г.), *Polar Sea* (с 1978 г.) и *Healy* (с 2000 г.). Один из них, *Polar Star*, способный преодолевать лед толщиной до 6 м и принадлежащий Службе береговой охраны, находится в ремонте и будет вновь введен в строй к 2013 г. Но он прослужит не более 7–10 лет. Конгресс США выделил на его модернизацию 30 млн долл. Единственный ледокол *Healy*, способный выполнять свою миссию в Арктике круглогодично, предназначен для научных исследований. Продолжается обсуждение вопроса о строительстве атомных ледоколов для поддержки морских операций в Арктике.

«Одной из миссий Службы береговой охраны является предоставление США потенциала для поддержки национальных интересов в полярных регионах, — отмечается в сопроводительной справке к принятому в конгрессе законопроекту. — США должны и будут присутствовать в Арктике на море и в воздухе в масштабах, достаточных для поддержки режимов превентивности и реагирования, а также для выполнения дипломатических задач».

Продолжая курс Дж. Буша-младшего, при Б. Обаме США активизировали деятельность средств ПВО, нацеленных на перехват российской стратегической авиации, которая патрулирует Арктику и Северную Атлантику. Намечается наращивание присутствия атомного подводного флота США в Баренцевом море. Две подводные лодки США типа «Лос-Анджелес» приняли участие в учениях *Ice Exercise-2009* по отработке оперативных действий в условиях Арктики и обеспечению безопасности научных исследований. В июне 2009 г. США силами военного флота и авиации проводили крупную операцию боевой подготовки *Northern Edge 2009* на Аляске. Центром учений стала военно-воздушная база Элмендорф. В операции принял участие ударный авианосец *USS John C. Stennis*. Территория, на которой проходили учения, граничит с российскими территориальными водами в Чукотском море. Очевидно, что США вместе с другими странами Запада планируют усилить многостороннее военное сотрудничество в Арктике.

В октябре 2009 г. была опубликована «дорожная карта» развития Военно-морских сил, раскрывающая пятилетний план расширения морских операций в Арктике. Одной из целей «дорожной карты» названо обеспечение вооруженных сил системами оружия, обнаружения, связи и управления, а также другими объектами военной и гражданской инфраструктуры, адаптированными к условиям Арктики. Туда включены совершенствование систем морского базирования для защиты от баллистических и крылатых ракет, сил и средств для борьбы с подводными лодками и для контроля прибрежной зоны. Кроме того, планируется разместить на базе в Анкоридже (Аляска) 36 истребителей *F-22 Raptor*, что составляет 20% от всего парка самолетов этого типа, стоящих на вооружении.

Арктическая «дорожная карта» предусматривает создание оперативно-тактического соединения (*Task Force Climate Change*) по изучению последствий изменения климата для стратегических целей и характера морских операций в Арктике. В фокусе ее внимания находятся также:

- текущие и предполагаемые угрозы в Арктике, чтобы определять наиболее опасные и вероятные из них в 2010, 2015 и 2025 гг.;
- угрозы национальной безопасности США и безопасности мореплавания;

- возможные конкуренты в Арктике в обозримом будущем;
- действия и мотивации всех участников арктической политики.

Важной частью «дорожной карты» является также организация военно-научных исследований.

Вместе с тем, ни чисто военная, ни общая арктическая стратегия США в Арктике при администрации Б. Обамы пока не получила должного развития. Внимание Вашингтона отвлекают другие «горячие» регионы (Ближний и Средний Восток, Северная Африка). Однако следует ожидать, что по мере спада экономического кризиса и снижения степени конфликтности в указанных регионах Б. Обама обратит внимание на Арктику, что наверняка приведет к более активной политике США в этом направлении.

Канада. Политика Оттавы в регионе определяется документом под названием «Северная стратегия Канады: наш Север, наше наследие, наше будущее» (2009 г.) Как явствует из документа, стратегические планы Канады включают в себя не только расширение экономической деятельности, но и наращивание военного присутствия в Арктике для усиления контроля над сухопутными территориями, морями и воздушным пространством региона. Это связано не только с демонстрацией готовности защитить суверенные права. При отсутствии прямых военных угроз со стороны какого-либо государства, канадские спецслужбы указывают на попытки криминальных группировок распространить свою деятельность на северные территории Канады, а также использовать их для незаконной миграции. Однако главная цель наращивания военного присутствия в регионе и наступательной риторики официальных властей состоит в том, чтобы создать должный психологический и пропагандистский эффект, рассчитанный на других участников арктической политики, ибо пока Канада не имеет ресурсов для освоения Крайнего Севера и реального контроля над его огромными пространствами.

Военная инфраструктура Канады в Арктике не развита. Оттава не имеет здесь оборудованных портов, кораблей и значительных вооруженных формирований. Поэтому в соответствии со своей арктической стратегией Канада намечает радикальную модернизацию своих вооруженных сил и военной инфраструктуры в регионе. В частности, она планирует строительство военного тренировочного центра на берегу Северо-Западного прохода в местечке

Резолют-Бэй (595 км от Северного полюса) и объектов морской инфраструктуры. Для усиления возможностей службы Береговой охраны запланировано строительство глубоководного причала (г. Нанисивик), нового ледокола *Diefenbaker* и трех патрульных кораблей, способных действовать в ледовой обстановке. Для мониторинга арктических пространств будет использоваться новейший канадский космический спутник типа *RADARSAT-II*, а также возможности совместной канадско-американской системы НОРАД и разведывательной станции перехвата сигналов в местечке Элэрт (остров Элсмир, Канадский арктический архипелаг). Намечены программы по модернизации и увеличению подразделений канадских рейнджеров до 5 тыс. человек к 2012 г. Они в основном набираются из коренного местного населения и предназначаются для ведения наблюдения и проведения поисково-спасательных операций в арктических условиях.

Правительство Канады в 2010 г. объявило о закупке у США 65 новейших истребителя *F-35 Lightning II* на общую сумму 16 млрд долл., которая включает обслуживание самолетов в течение 20 лет. Правда, не совсем понятно, против кого их намерены использовать в Арктике, так как *F-35* предназначены для тактических задач по поддержке наземных операций, бомбометанию и ведению ближнего воздушного боя. Никто из арктических «игроков» не планирует высадку войск на территории канадского Севера. А пара устаревших российских бомбардировщиков, выполняющих, в основном, тренировочные полеты до границы Канады, не представляет собой столь серьезной угрозы. По мнению экспертов Канадского института по вопросам обороны и внешней политики, эти закупки — скорее гарантия безопасности на будущее, чем ответ на сегодняшние вызовы. Согласно другим оценкам, для Канады актуальны другие задачи: развитие патрульной авиации для наблюдения за побережьем и наращивание морской мощи. Эти и другие инициативы привели к удвоению общих военных расходов Канады по сравнению с концом 1990 .

В 2008 г. Канада провела учения, самые крупные за историю ее военного присутствия в Арктике. Было объявлено о начале регулярных ежегодных учений *Operation Nunavut*, цель которых — защита суверенитета Канады на Крайнем Севере. В апреле 2010 г. впервые в истории канадских военных учений были проведены приземление и взлет с ледового покрытия самолетов типа *Falcon CC-117*. Тогда же были проведены учения водолазов с подледным

погружением на длительное время. С августа 2010 г. арктические учения канадских вооруженных сил проводятся с участием ВМС США и Дании. 24 августа 2010 г. два самолета CF-18 военно-воздушных сил Канады вылетели на перехват двух российских Ту-95, которые находились в 30 милях от канадского воздушного пространства. Американско-канадские силы ПВО следили за инцидентом и были готовы отреагировать на все возможные события.

В начале 2011 г. для совместных учений в Арктике Канада пригласила ВМС США и Дании. В учениях были задействованы лучшие корабли с каждой стороны: ракетный эсминец *USS Porter* (США), несущий новейший зенитно-ракетный комплекс «Иджис»; один из немногих в мире фрегатов *Vaedderen* (Дания), приспособленный к действиям в арктических льдах; фрегат *Halifax* (Канада), единственный из иностранных кораблей, который используется в составе американской авианосной группы. При этом Канада не планирует приглашать на подобные учения Россию.

Вместе с тем, многие в канадском руководстве понимают, что в условиях продолжающегося финансово-экономического кризиса Оттава не в состоянии в одиночку обеспечить свою безопасность (мнимую или реальную) в регионе. Довольно популярной является точка зрения, что Канада должна идти не по пути наращивания собственной военной мощи в Арктике, а разделить военные расходы с США и расширять совместные функции НОРАД, включив в них воздушное патрулирование, операции по спасению на море, наблюдение за морскими пространствами и ледокольные операции. В противном случае не избежать бессмысленного дублирования действий с американской стороны, да и огромные арктические пространства Канада не в силах контролировать в одиночку. В частности, весьма перспективным представляется идея использования в Арктике американских беспилотных летательных аппаратов, управляемых через общий спутник связи.

Сценарий тесного сотрудничества между Канадой и США по вопросам «мягкой» и «жесткой» безопасности в Арктике представляется наиболее вероятным как самый оптимальный в финансовом и функциональном отношениях. США традиционно имели тесные экономические и политические связи с Канадой и уважали ее суверенные права. В Национальной военной стратегии США, опубликованной в феврале 2011 г., говорится, что региональная безопасность в Арктике будет обеспечиваться совместно с Канадой.

Норвегия. Доктринальные основы арктической стратегии Осло определены в документе под названием «Новые компоненты политики на Севере. Следующий шаг в стратегии правительства на Крайнем Севере» (март 2009 г.).

Доктрина довольно жестко ставит вопрос о соблюдении норвежского суверенитета в Арктике, а также содержит акцент на вопросах безопасности. В частности, ставится задача развития системы наблюдения за морскими, воздушными и приграничными сухопутными пространствами в регионе. Планируется и дальнейшее усиление военного присутствия на Крайнем Севере. В документе говорится: «Большое значение придается поддержанию видимого военного присутствия, которое необходимо для утверждения наших суверенных прав в 200-мильной зоне и обеспечения систем наблюдения, разведки и кризисного управления».

Намечены конкретные меры по модернизации вооруженных сил и береговой охраны Норвегии в Арктике. Так, в 2008 г. Норвегия приняла план долгосрочного оборонного развития. Еще раньше норвежские ВМС заказали 5 новейших фрегатов, которые планируется оснастить высокотехнологичными ударными ракетами (в настоящее время на вооружение флота поступили три фрегата). За последние несколько лет на вооружение норвежских ВМС поступили 6 быстроходных ракетно-торпедных катеров класса *Skjold* («Щит»). К концу 2007 г. были введены в эксплуатацию пять патрульных судов проекта «Номен», разработанного специально для работы у норвежского побережья. В 2009 г. бюджет норвежских ВМС был на 240 млн крон больше, чем в предыдущем году, и составил 3 млрд крон. В 2008 г. норвежское правительство приняло решение о закупке 48 американских многоцелевых истребителей *JSF* вместо устаревших *F-16*. На эти цели планируется потратить 150 млрд норвежских крон. Принято также решение о поставке для *F-35* ракет для поражения морских целей.

Норвегия планирует переместить штаб оперативного командования в Рейтан (*Reitan*) в окрестностях Бодо (*Bodo*) на севере страны. Тем самым Норвегия станет первой страной, разместившей командование вооруженными силами в арктических широтах. В северном направлении, в Бардусе, планируется также переместить ведомство Генерального инспектора вооруженных сил Норвегии. В этот же пункт намечена и передислокация основных сил боевой вертолетной авиации.

Подобная политика Осло совпадает с общей арктической стратегией НАТО (прежде всего, США, Канады и Дании) по защите западных экономических и геополитических интересов в этом перспективном регионе. Все эти тенденции не могут не вызывать опасения России, в непосредственной близости от которой совершаются эти военные приготовления.

Дания. Формальной основой политики Копенгагена в регионе является ее арктическая стратегия 2008 г. Одним из основных приоритетов стратегии является утверждение датского суверенитета в регионе, включая использование вооруженных сил для этой цели.

При этом задачи датских вооруженных сил определялись достаточно широко. Наряду с собственно военными функциями (защита своего суверенитета над Гренландией, мониторинг воздушного и морского пространства), им вменялись такие задачи, как проведение спасательных операций, оказание помощи полиции и таможенным властям, борьба с браконьерством, наблюдение за и борьба с загрязнением окружающей среды и пр.

Характерно, что параллельно с публикацией арктической стратегии была создана Комиссия по вопросам обороны, значительная часть функций которой сводится к анализу последствий для датской безопасности тех проблемных тенденций, которые имеют место в Арктике.

Вместе с тем, в отличие от времен холодной войны Дания намеревалась делать в своей арктической политике акцент не на соперничестве, а на сотрудничестве, для чего она собиралась активно работать в рамках региональных многосторонних институтов.

Правда, изложенный в арктической стратегии «миролюбивый» и в целом оптимистический подход к решению арктических проблем не совсем совпадал с оценками датских военных. Так, в одном из докладов датской военной разведки, опубликованном в сентябре 2009 г., прогнозировалось, что накопившиеся региональные проблемы (особенно конкуренция из-за природных ресурсов и контроль за проливами) скорее будут способствовать росту соперничества в Арктике, чем сотрудничества. Особую опасность авторы доклада видели в «экспансионистской» политике России, которая, как «показал» военный конфликт с Грузией, якобы склонна к использованию военной силы, если она имеет дело с более слабыми противниками. В другом докладе датского Министерства обороны (июль 2009 г.) предлагалось создать (по примеру России)

специальное арктическое формирование, способное вести военные действия на суше, море и в воздухе. Предусматривалось также более тесное сотрудничество в рамках НАТО опять-таки в целях «сдерживания» России.

Подобные расхождения между документами, рассчитанными на широкую публику, и планами военных не могут не вызвать определенную настороженность со стороны Москвы.

Швеция. У этой страны также существуют военно-стратегические устремления в Арктическом регионе, хотя она и не имеет прямого выхода к Северному Ледовитому океану и не считается официальной арктической державой. Стокгольм предпочитает реализовывать свои геополитические интересы через многосторонний формат. Так, в настоящее время Швеция руководит деятельностью Североевропейской группы войск, которая рассматривается, прежде всего, как военный ресурс ЕС.

При этом геополитические амбиции ряда руководителей Швеции имеют вполне четко выраженную антироссийскую окраску. «Я считаю, что для шведских вооруженных сил настало время подстроиться к ситуации с более высоким уровнем угроз», — пишет бывший министр обороны Швеции Бьёрн фон Сюдов. По его мнению, Россия представляет растущую угрозу для всех ее соседей. В своих комментариях газете *Dagens Nyheter* экс-министр дает ясную картину его восприятия сегодняшней России. «Картину угроз следует обсуждать в связи с сегодняшней и завтрашней Россией», — отмечает г-н фон Сюдов. Он заявил, что шведскому парламенту необходимо увеличить расходы на оборону. Шведский политик подчеркивает, что после конфликта с Грузией у ряда соседних с Россией стран растут опасения, что они могут оказаться перед лицом военной конфронтации с Россией.

Отмечая, что линия Швеции состоит в упоре на переговоры и дипломатию, он в то же время подчеркивает, что «шведская политика безопасности должна включать существенный элемент военной обороны с целью предотвращения и нейтрализации военных угроз в нашем окружении». «Нам следует отдать приоритет усилению нашей территориальной обороны», — настаивает г-н фон Сюдов. Он особо упирает на необходимость постоянного наращивания военно-воздушных сил страны и ее подводного флота.

Другой шведский политик, лидер Либеральной партии Ян Бьёрклунд, поддерживает фон Сюдова в необходимости наращивания военной мощи шведских ВС. «Я думаю, что в последние годы нам

в Швеции следовало бы проснуться и перестроить свою оборонную политику. Потому что те перемены, которые мы наблюдаем сейчас в России, были заметны еще несколько лет назад», — заявил он.

Одним из следствий подобного рода настроений в шведских политических кругах было прекращение военных контактов Швеции с Россией в августе 2008 г. (сразу после вооруженного конфликта между Россией и Грузией). Стокгольм также настаивает на выводе российского тактического ядерного оружия с Кольского полуострова, считая, что его наличие в этом районе серьезно дестабилизирует военно-политическую обстановку и является препятствием для развития международной сотрудничества.

Таким образом, Швеция (будучи неприсоединившейся страной), тем не менее, по ряду региональных вопросов придерживается даже более жесткой позиции, чем, например, натовская страна Норвегия.

Финляндия. Арктическая доктрина Финляндии была принята в начале июня 2010 г. В ней определялись национальные интересы стран в Арктике, угрозы и вызовы финской и глобальной безопасности в регионе, а также политический инструментарий, который Хельсинки намеревался использовать для достижения поставленных целей. В отличие от некоторых других северных стран, Финляндия не делает акцента на развитие собственного военного потенциала в Арктике, предпочитая, как и Швеция, действовать в многостороннем формате.

Тем не менее, Хельсинки предпринял ряд мер по модернизации своих вооруженных сил в регионе. Так, в 2008 г. финским ВВС было выделено 200 млн евро для создания новой радиолокационной системы для слежения за воздушным пространством со стороны России.

К общей арктической стратегии стран Северной Европы?

Пять стран Северной Европы (Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия и Швеция) издавна координируют свою политику в области арктической политики и создали для этого целую систему финансово-экономических и политических институтов. До недавнего времени арктическое сотрудничество пяти стран в основном концентрировалось на таких сферах, как совместные экономические

проекты, экология, здравоохранение, образование, научные исследования, обеспечение прав коренных народов Севера и пр. Ситуация изменилась с принятием в феврале 2009 г. доклада экспертной комиссии под председательством бывшего министра иностранных дел Норвегии Т. Столтенберга (отца нынешнего премьер-министра). В докладе изложены рекомендации по формированию общей внешней и оборонной политики этих стран.

В докладе были представлены 13 конкретных предложений, направленных на укрепление сотрудничества между странами Северной Европы и их дальнейшую интеграцию. Большая часть этих рекомендаций относится к сфере обороны и безопасности. В докладе Т. Столтенберга предлагается сформировать «стабилизационную оперативную войсковую группу, которая могла бы направляться в государства, подвергшиеся внешнему вмешательству или в случае других критических ситуаций». Необходимость создания таких сил обусловлена новыми вызовами, с которыми сталкивается международное сообщество и ООН. Таким образом, под предлогом защиты от нетрадиционных угроз предлагается милитаризация региона. При этом, Т. Столтенберг не стал дистанцироваться от таких международных организаций, как ЕС, НАТО, и сказал, что в случае создания североевропейского военного альянса ему «следовало бы принимать участие в операциях под эгидой ООН, так же как и в операциях Евросоюза, НАТО, Африканского союза и ОБСЕ», но только при условии, что они будут иметь мандат ООН.

Другим важным тезисом Т. Столтенберга стало предложение «о проведении регулярного патрулирования воздушного пространства Исландии», которая не имеет собственных вооруженных сил. «Исландия находится в районе повышенного внимания, — сказал он. — После того как в 2006 г. американские военные покинули авиабазу в Кефлавике, возникла необходимость усиления контроля над исландским воздушным пространством, что отвечает интересам как самой Исландии, так и всей Скандинавии». Таким образом, предполагается, что в перспективе в небе над Исландией могут появиться самолеты стран, не являющихся членами НАТО, — Финляндии и Швеции.

Т. Столтенберг предложил создать североевропейское подразделение для контроля на море, в которое вошли бы береговые охраны стран и спасательные службы. В докладе упоминается создание совместных морских сил быстрого реагирования, ледокольного флота, амфибийного подразделения, сил гражданской обороны по

борьбе с природными техногенными катастрофами, единой ресурсной системы для борьбы с кибератаками, спутниковой группировки (3 спутника) для осуществления морского и воздушного мониторинга (к 2020 г.), объединенной системы подготовки кадров для указанных служб. По мнению авторов доклада, реализация этих мер могла бы способствовать серьезной экономии средств пяти стран Северной Европы в сфере безопасности.

Помимо этого, была подчеркнута необходимость учредить общий орган по расследованию военных преступлений, расширить взаимодействие между дипломатическими службами североевропейских стран, укрепить военное сотрудничество в вопросах транспорта, медицины и образования. И, наконец, Т. Столтенберг заявил о необходимости подписать «Декларацию солидарности» стран Северной Европы, в которой бы оговаривалось, как каждая «страна должна себя вести, если ее сосед станет объектом атаки или воздействия извне».

Аналитики по-разному оценивают этот доклад. Некоторые из них считают доклад «историческим», видят в нем начало пути к некоему «Североевропейскому пакту». Наиболее радикальные авторы предлагают пойти еще дальше: например, шведский историк Гуннар Веттерберг выступает за создание в обозримом будущем Объединенной федерации Северной Европы под символическим руководством датской короны. Правда, эти предложения были встречены весьма скептически североевропейскими лидерами (включая самого Столтенберга).

Наряду с полностью позитивными, встречаются и более осторожные оценки доклада. Так, старший научный сотрудник норвежского Института оборонных исследований Пол Сигурд Хилде согласен, что сотрудничество между северными странами по общим проблемам, встающим перед ними в Арктике, является весьма важным. Некоторые из предложений, содержащихся в докладе, такие как сотрудничество спасательных служб, относительно прямолинейны и легко реализуемы. Однако, считает эксперт, «более широкие и далекоидущие предложения, в свою очередь, сразу ставят вопрос о том, действительно ли у североевропейских государств имеются общие интересы как в Арктике в целом, так и в европейской части Арктики в частности. Между северными странами существуют не только, так сказать, вариации в глубине их интересов на Крайнем Севере; интересы отдельных стран, имеющих более непосредственные, «физические» интересы в Арктике, совсем не

обязательно совпадают». К тому же, в условиях глобального финансово-экономического кризиса возникают сомнения в реалистичности выполнения предлагаемых в докладе рекомендаций.

В докладе Столтенберга, по сути дела, были собраны воедино и обобщены мысли и идеи, которые в странах Северной Европы звучат достаточно часто, причем с самых разных политических сторон. С учетом того, что в работе над документом участвовали эксперты из всех стран Северной Европы, а сам доклад выполнялся по заказу правительств и был одобрен на встрече министров иностранных дел пяти государств, его можно считать программным. Документ является своего рода декларацией о намерениях североευропейских стран, пытающихся создать единый центр, способный вести арктический диалог с Канадой, США и Россией «на равных».

Активизация НАТО в Арктике

НАТО как международная организация является относительно новым актором в Арктическом регионе. Существенное расширение ее деятельность на Крайнем Севере началось в 2008 г. Последовала серия заявлений высших представителей НАТО в отношении Арктики, были проведены встречи и экспертные семинары по Арктике. В практическом плане альянс присутствует в Арктике в виде объединенной системы ПВО, в которую входят истребители постоянной готовности, системы предупреждения о военном нападении типа AWACS, разведывательная авиация. Силы НАТО взяли на себя патрулирование неба над Исландией после свертывания американской военной базы в Кефлавике в 2006 г.

В рамках НАТО складываются коалиции арктических государств различной конфигурации. Так, в мае 2010 г. Канада и Дания заключили меморандум о военном сотрудничестве в Арктике. Это сотрудничество включает «расширенные консультации, обмен информацией, визиты и совместные учения».

Частью военного сотрудничества следует рассматривать и рост количества военных учений в Арктике, которые проводятся под эгидой НАТО.

В январе 2009 г. прошли крупномасштабные учения саперов-взрывотехников у побережья Северной Норвегии. В учениях под названием *EODEX (Explosives Ordnance Disposal Exercise)* участвовали специалисты из десяти стран: Норвегии, Швеции, Дании, Лит-

вы, Германии, Нидерландов, Франции, Бельгии, Эстонии и Турции. Задачей учений являлась тренировка команд в экстремальных зимних условиях. Участники практиковались в зимней навигации, подледном дайвинге и подводных взрывных работах. В рамках учений НАТО *Cold Response* в марте 2009 г. отрабатывались совместные действия по отражению агрессии потенциального противника.

В июне того же года силы быстрого реагирования НАТО проводили учения *Loyal Arrow 2009*, вблизи спорных арктических территорий. В них участвовали военнослужащие Германии, Великобритании, Италии, Норвегии, Польши, Португалии, Турции и США. Было задействовано 2 тыс. солдат, авианосец и 50 американских истребителей *F-15 Eagle*. По легенде, богатая от продаж нефти диктатура «Лапистан» напала на соседнее государство. Согласно поставленной задаче, силы НАТО пресекали агрессию, используя в основном военно-воздушные силы. Учения проходили на территории от Центральной Швеции до Северной Норвегии. Швеция и Финляндия участвовали в маневрах в рамках программы «Партнерство ради мира». Это были первые крупные учения НАТО в Швеции, которая традиционно проводит политику нейтралитета или неприсоединения. Некоторые эксперты и шведские политики отметили, что военные маневры послужат началом политических дебатов об отказе от статуса неприсоединившегося государства и путем втягивания Швеции в НАТО.

Эксперты расходятся во мнении относительно причин и мотивов активизации НАТО в Заполярье. Первая точка зрения сводится к тому, что НАТО, испытывающая вызовы со стороны других международных организаций в обеспечении европейской, трансатлантической и глобальной безопасности (ООН, ЕС, ОБСЕ, Арктический совет, Совет Баренцева/Евроарктического региона и пр.), стремится отстоять свою роль как главного гаранта региональной и глобальной безопасности и, тем самым, доказать свою нужность и эффективность в меняющемся мире. Последнее все чаще стало подвергаться сомнению. НАТО стремится продемонстрировать, что при сохранении у нее потенциала сдерживания любой военной угрозы она активно трансформируется в организацию, имеющую новые задачи в сфере миротворчества, борьбы с последствиями природных и техногенных катастроф, поисково-спасательной работы, борьбы с незаконной миграцией, наркопотоками и другими вызовами «мягкой» безопасности. Именно на этом круге проблем НАТО и собирается сосредоточиться в Арктике.

Оппоненты этой точки зрения считают, что НАТО вряд ли сможет проводить эффективную политику в регионе. Во-первых, у нее весьма ограниченные ресурсы и возможности по созданию в короткие сроки соответствующей инфраструктуры в регионе. Негативное влияние окажет незакончившийся мировой финансово-экономический кризис. Во-вторых, сам альянс разрывается внутренними противоречиями по вопросу об Арктике. Ряд стран — членов НАТО имеет собственные амбиции и претензии на этот регион, что привело к конфликтам между США и Канадой, Данией и Канадой, Данией и Норвегией по конкретным вопросам арктической политики: определение зон экономического влияния, раздел континентального шельфа, уточнение морских границ, статус северных проливов.

Другая точка зрения состоит в том, что в вопросе об Арктике НАТО, скорее, является инструментом отдельных государств, стремящихся продвинуть свои интересы в регионе, чем проводником единой политики западного сообщества в отношении региона. Так, Норвегия, где Арктике отводится ведущая роль во внутренней и во внешней политике, давно выступает за усиление роли НАТО в регионе. Те же самые мотивы руководят и некоторыми другими участниками разворачивающейся «битвы» за Арктику, например, Канадой и Данией. Как и Норвегия, они не в состоянии самостоятельно противостоять более могущественным соперникам. С одной стороны, они надеются на то, что альянс защитит их интересы перед усиливающейся в регионе Россией, с другой — НАТО послужит некоторого рода арбитром в спорах между членами этой организации по вопросам Арктики и сдержит усиливающийся напор со стороны США, которые позже других вступили в борьбу за ресурсы Арктики. США же, наоборот, надеются использовать свой авторитет в НАТО для оказания давления на своих конкурентов внутри альянса.

Наконец, существует и третья точка зрения, суть которой состоит в том, что два первых подхода не являются взаимоисключающими и вполне могут дополнять друг друга.

В целом же и официальные лица, и эксперты единодушны в том, что НАТО продолжит курс на активизацию своей деятельности в Арктике. Какие это будет иметь последствия для России? По всей видимости, негативные. Ведь при существующем характере отношений с НАТО с трудом удастся налаживать отношения даже по совпадающим интересам. Вероятно, в условиях острой конкуренции за ресурсы Арктики НАТО будет выдавливать Россию так же, как выдавливает

ее из других регионов Европы. Очевидно, что США, которые не присоединились к конвенциям по морскому праву, будут использовать НАТО для укрепления своих позиций в регионе. Норвегия стремится привлечь внимание НАТО к разрешению вопросов по спорным территориям. Поэтому России следует готовиться к непростой и долгой борьбе за отстаивание своих интересов и законных прав.

Последствия ремилитаризации Арктики для национальной безопасности России

Военно-политическая активность всех без исключения арктических соседей России, к тому же входящих в НАТО, не может не настораживать Москву. Хотя на фоне этих приготовлений раздаются заверения о том, что Арктика стабильна и там нет вызовов военной безопасности, возникает вопрос о направленности учений и потенциальном противнике, для борьбы с которым предназначены дорогостоящие и самые современные системы вооружений. Не только отечественные, но и зарубежные эксперты говорят об антироссийской направленности этих военных приготовлений и «приближении новой эры безопасности в Арктике».

Тенденция к милитаризации Арктики отчасти усугубляется и тем обстоятельством, что существующие режимы безопасности, такие как ОБСЕ, «фланговые ограничения» Договора об обычных вооруженных силах в Европе лишь частично касаются Крайнего Севера. Плюс к этому ограничения трудно сделать эффективными в отношении военно-морских и военно-воздушных сил, которые могут быть быстро переброшены в Арктику в случае эскалации конфликта.

Кстати, против распространения ограничений на военно-морские силы в 2008 г. выступили США, когда Россия сделала такие предложения в рамках ОБСЕ. В частности, предлагалось заранее оповещать всех участников договора о перемещении значительных сил ВМФ и морской авиации в регионе от 80-й параллели на севере Европы и до 20-й параллели на юге и от 40-й западной до 60-й восточной. Тем самым повышались бы меры взаимного доверия, а с другой стороны, данные условия не ограничивали свободу мореплавания в Арктике за пределами 80-й параллели.

Становлению и соблюдению режима безопасности в Арктике мешают и трудности технического характера, если учесть, что Арк-

тика — огромное пустынное пространство, для патрулирования которого потребуются значительные силы и средства.

Как же Россия реагировала на процесс ремилитаризации Арктики? Политика по обеспечению интересов безопасности России в регионе была определена в сентябре 2008 г. в документе «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу». В сфере обеспечения безопасности стратегической целью было названо обеспечение благоприятного оперативного режима в Арктической зоне России (АЗР), включая поддержание необходимого боевого потенциала группировок войск (сил) общего назначения, других войск, воинских формирований и органов в этом регионе.

Россия с 2007 г. возобновила патрулирование Арктики стратегическими бомбардировщиками. На следующий год в этих полетах принимали участие самолеты-заправщики, истребители и разведывательные самолеты. Всего в 2008 г. российская стратегическая авиация совершила 87 вылетов в этом регионе.

Северный флот с 2008 г., и тоже впервые с окончания холодной войны, начал патрулировать морские пространства. Российские подводные лодки отрабатывали операции под арктическими льдами.

Россия также планирует модернизировать свой флот стратегических бомбардировщиков ТУ-95МС, ТУ-160 и ТУ-22МЗ, а также ввести в состав Северного флота три атомные подводные лодки класса «Борей».

Арктическая доктрина РФ подразумевает усиление Службы береговой охраны ФСБ и пограничного контроля в АЗР и организацию технического контроля за проливами, устьями рек, лиманами на всей трассе СМП. В Арктике на пограничников помимо охраны морских и сухопутных границ возлагаются задачи борьбы с наркотрафиком, браконьерством, незаконной миграцией из стран СНГ, а также содействие научному изучению Арктики.

Иными словами, основная цель развития военной инфраструктуры в регионе видится не в последующем значительном наращивании военного присутствия РФ, а в установлении системы мер по контролю над воздушным, водным и сухопутным пространствами. Более того, создаваемая инфраструктура должна максимально способствовать решению задачи экономического освоения Арктики.

В целом, при определении своей позиции в отношении наметившейся в последнее время опасной тенденции к ремилитариза-

ции региона, Россия должна проводить сбалансированную линию. С одной стороны, она не должна забывать о мерах по обеспечению своей обороноспособности в Арктике, с другой — ей и другим заинтересованным государствам и международным организациям необходимо уже сейчас задуматься над поиском взаимоприемлемых решений с тем, чтобы не допустить дальнейшей эскалации негативных тенденций. Создание особого регионального режима по контролю над вооружениями и развитие мер доверия могли бы стать важными приоритетами международного сотрудничества в Арктике.

Литература

1. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2009/03/30/arktika-osnovy-dok.html>.
2. Canada's Northern Strategy: our North, our heritage, our future. Ottawa: Government of Canada, 2009.
3. Conley H., Kraut J. U.S. Strategic Interests in the Arctic An Assessment of Current Challenges and New Opportunities for Cooperation A Report of the CSIS Europe Program. Washington: CSIS, 2010.
4. Gabriel D. US-Canada Joint Arctic Security and Control? URL: <http://www.geopoliticalmonitor.com/us-canada-joint-arctic-security-and-control-4008/>.
5. Huebert R. Welcome to a new era of Arctic security. URL: <http://www.theglobeandmail.com/news/opinions/welcome-to-a-new-era-of-arctic-security/article1682704/>.
6. Kollien A. Toward an Arctic Strategy. Carlisle Barracks, 2009.
7. National Security Presidential Directive (NSPD-66) and Homeland Security Presidential Directive (HSPD-25). 2009. January 12. URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2009/01/print/20090112-3.html>.
8. New Building Blocks in the North. The Next Step in the Government's High North Strategy URL: http://www.regjeringen.no/upload/UD/Vedlegg/Nordomradene/new_building_blocks_in_the_north.pdf.
9. Stollenberg T. Nordic Cooperation on Foreign and Security Policy. Proposals Presented to the Extraordinary Meeting of Nordic Foreign Ministers in Oslo on 9 February 2009. URL: http://www.mfa.is/media/Frettatilkyning/Nordic_report.pdf.
10. Petersen N. The Arctic as a New Arena for Danish Foreign Policy: The Ilulissat Initiative and Its Implications // Danish Foreign Policy Yearbook 2009. Copenhagen: The Danish Institute for International Studies, 2009.
11. U.S. Navy Arctic Roadmap. Washington: Department of Navy, 2009.

И. А. Веселов

Система комплексной безопасности населения и территорий Арктической зоны Российской Федерации*

Арктическая зона своими природно-экономическими, демографическими и иными условиями значительно отличается от других регионов России.

Особенностями Арктической зоны России, оказывающими влияние на формирование требований к обеспечению комплексной безопасности населения и территорий, являются: экстремальные для постоянного проживания и ведения хозяйственной деятельности человека природные условия в регионе; удаленность от основных промышленных центров; слабое развитие транспортной сети — все это затрудняет эффективное реагирование на имеющиеся и возникающие угрозы и риски.

К основным климатическим и природным источникам чрезвычайных ситуаций (далее — ЧС) относятся: деградация вечной мерзлоты (таяние), обвалы, оползни; снежные лавины; наводнения (весна, осень), ледяные заторы, подвижка льдов; ландшафтные пожары (тундра, мелколесье); снежные бури, штормы; сильные ветры (ураганы) и гололедица.

К потенциальным техногенным источникам чрезвычайных ситуаций относятся: АЭС и реакторы судов атомного флота; разрывы на нефтегазопроводах; разливы и возгорание нефтепродуктов и газа; аварии на предприятиях добычи и переработки углеводородов, металлов, энергетика, ЖКХ; кораблекрушения, аварии на железнодорожном, автомобильном, воздушном транспорте.

Помимо стационарных объектов источниками чрезвычайных ситуаций в Арктической зоне являются транспортные коммуникации — Северный морской путь, международные кроссполярные и внутренние авиационные трассы.

* *Веселов И. А.* Система комплексной безопасности населения и территорий Арктической зоны Российской Федерации. Доклад на экспертном семинаре РСМД, 9 июля 2012 года.

В среднем на территории Арктической зоны России происходит в год до 100 чрезвычайных ситуаций техногенного и природно-техногенного характера.

Учитывая интенсивность освоения районов Крайнего Севера, заложенную в Стратегию развития Арктической зоны России, можно с достаточной уверенностью предполагать, что имеющаяся сегодня государственная система предупреждения чрезвычайных ситуаций в будущем станет испытывать затруднения, потребуется ее совершенствование.

В настоящее время силы и средства Арктической зоны или находящиеся в оперативной доступности к арктическим районам возможного их применения в случае чрезвычайной ситуации относятся к различным федеральным органам исполнительной власти (Минтранс России, Пограничной службе ФСБ России, Министерству обороны России, Росгидромету, МЧС России), а также Госкорпорации «Росатом» и др.

Размещение их по территории Арктической зоны неравномерно, действия не всегда достаточно скоординированы.

Для обеспечения наземных поисково-спасательных операций в субъектах Российской Федерации, находящихся в Арктической зоне, в настоящее время имеются силы и средства, включающие около 800 подразделений общей численностью более 18 тыс. человек. Особо следует отметить малочисленность пожарных и поисково-спасательных подразделений субъектов Российской Федерации: от 6 до 12 человек на одно подразделение.

Силы и средства, принадлежащие субъектам России и муниципальным образованиям, как правило, имеют ограниченную сферу применения, так как не имеют должного оснащения, ресурсов для продолжительных действий (более 2–3 суток автономной работы) и предназначены для реагирования на ЧС в пределах субъекта, их учредившего.

Анализ состава и размещения имеющихся сил и средств показывает, что для адекватного и оперативного реагирования на возникающие угрозы и риски на значительной части Арктического региона их недостаточно.

В рамках реализации «Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» МЧС России приступило к созданию комплексной системы мониторинга, предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного

характера в Арктической зоне Российской Федерации (далее — Система).

Создаваемая Система должна обеспечить безопасность населения и территорий Арктики от чрезвычайных ситуаций с учетом основных природных и техногенных угроз, как существующих, так и перспективных, связанных с реализацией в регионе новых экономических и инфраструктурных проектов, минимум до 2020 г.

В рамках Системы развитие сил и средств МЧС России в Арктике планируется на базе сети комплексных аварийно-спасательных центров, создаваемых в регионе в течение 2011 — 2015 гг. Центры будут состоять из аварийно-спасательного комплекса, обеспечивающего реагирование на ЧС и проведение поисково-спасательных работ и информационно-аналитического комплекса, обеспечивающего информационно-аналитическую поддержку проведению мероприятий.

Анализ возможностей оптимального прикрытия всего региона показал необходимость создания центров в Мурманске, Архангельске, Нарьян-Маре, Воркуте, Надыме, Дудинке, Тикси, Певеке, Провидении и Анадыре. По предварительным расчетам, на их комплектование потребуется 650—670 штатных единиц. Если учесть, что в некоторые центры войдут действующие федеральные поисково-спасательные формирования, то дополнительно потребуется на укомплектование Центров порядка 500 штатных единиц.

Обеспечение центров аварийно-спасательной и авиационной техникой, оборудованием и снаряжением потребует значительных финансовых средств.

В рамках ФЦП «Снижение рисков и смягчение последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Российской Федерации до 2015 года» на строительство (реконструкцию) зданий Центров запланировано выделение в течение 2011 — 2015 гг. около 1 млрд руб.

Примером конкретного межведомственного сотрудничества в Арктике служит совместное учение МЧС России и Пограничной службы ФСБ России в апреле 2010 г. по отработке совместных действий в сфере поиска и спасания в Арктике, проведенное на архипелаге Земля Франца-Иосифа.

Предварительно личный состав пограничной службы отделения (12 человек) прошел специальную подготовку по программе обучения спасателей в Центре подготовки спасателей МЧС России

«Вытегра», получил соответствующую аттестацию на право ведения аварийно-спасательных работ.

Международное сотрудничество России в Арктике в нашей сфере ответственности реализуется в ряде международных организаций, основными из которых является Арктический совет и Совет Баренцева-Евроарктического региона.

В рамках Арктического совета МЧС России в настоящее время организует работу в Рабочей группе по предупреждению, готовности и ликвидации чрезвычайных ситуаций, выполняет мероприятия двух международных проектов: «Поиск и спасание в Арктике» и «Создание комплексной системы безопасности при реализации экономических и инфраструктурных проектов в Арктике».

В целях обмена опытом в нашем сотрудничестве уже стали традиционными мероприятия по проведению совместных учений. Примером такого продуктивного сотрудничества могут служить учения чрезвычайных служб Норвегии, Финляндии, Швеции и России — «Баренц-Рескью».

В рамках перехода атомного ледокола «Ямал» по трассе Северного морского пути, с участием высоких представителей государств—членов Арктического совета под председательством секретаря Совбеза России В. П. Патрушева, в период 8—11 августа 2011 г. была проведена международная конференция «Северным морским путем к стратегической стабильности и равному партнерству в Арктике», одним из вопросов которой было предупреждение и ликвидация ЧС. Конференция завершилась проведением комплексного учения сил и средств единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций России в районе внешнего рейда морского порта Тикси.

Учения осуществлялись на основе совместных действий сил и средств МЧС России, Росморречфлота и Госморспасслужбы России, Пограничной службы ФСБ России, Госкорпорации «Росатом».

Учения прошли без замечаний и получили высокие оценки зарубежных участников конференции.

Дальнейшее развитие системы комплексной безопасности населения и территорий Арктической зоны Российской Федерации предполагает решение ряда задач.

1. Сформировать на базе создаваемых комплексных центров информационно-управляющую систему, сопряженную с соответствующими региональными центрами МЧС России, Национальным

центром управления в кризисных ситуациях и соответствующими структурами Минтранса России, Минприроды России, Министерства обороны России, Пограничной службы ФСБ России и другими службами, обеспечивающую мониторинг и прогнозирование возникновения ЧС, а также информирование населения северных территорий о ЧС.

2. Расширять взаимодействие между ведомствами и субъектами на практическом уровне, с целью отработки совместного применения сил и средств по предупреждению и ликвидации возможных ЧС в арктических условиях.

3. Организовать подготовку и обучение личного состава, персонала и сотрудников ведомств и организаций, осуществляющих деятельность в Арктике, основам безопасности жизнедеятельности в природно-климатических условиях Крайнего Севера, основам спасательного дела, разработав специализированную программу подготовки.

4. Рассмотреть целесообразность создания дополнительных баз хранения аварийно-спасательной (пожарной) техники, оборудования и средств спасения в ключевых пунктах северных регионов для повышения оперативности проведения поисково-спасательных операций.

5. Повысить роль научных исследований по проблемам безопасности населения и территорий Арктической зоны, совершенствовать способы и методы предупреждения возможных ЧС в арктических условиях и их ликвидации, авиационные средства спасения, более полно использовать космическую группировку российских спутников.

Создание системы комплексной безопасности населения и территорий в Арктической зоне Российской Федерации позволит повысить безопасность российских граждан, защитить окружающую среду и выйти на лидирующие позиции в международном чрезвычайном реагировании как в настоящее время, так и с учетом перспективного экономического развития Арктики.

А. В. Загорский

Освоение Арктики: вопросы безопасности*

Главная причина оживления интереса к Арктике в последние годы — последствия климатических изменений. В результате потепления сокращается площадь многолетнего ледяного покрова. Все большая часть Северного Ледовитого океана летом освобождается от сезонного льда. Его акватории становятся более доступными для разведки и разработки минеральных ресурсов, рыбного промысла, судоходства. Высокие мировые цены на энергоносители заставили многих обратить взоры на Арктику, где, по оценкам, скрыты значительные запасы нефти и газа.

Все это дало повод прогнозировать нарастание соперничества государств, прежде всего, за доступ к углеводородным ресурсам.

Смогут ли государства договориться об оптимальном решении возникающих в Арктике проблем на основе сотрудничества в рамках существующих институтов, опираясь на действующие нормы международного права, или они пойдут путем односторонних действий, стремясь максимизировать свои выгоды?

Комплексное изучение современной арктической повестки дня позволяет сделать вывод: нет никаких оснований драматизировать проблемы региона. Все они поддаются рациональному решению на основе сотрудничества в рамках существующих международно-правовых режимов и институтов, дополняя их там, где это необходимо, новыми договоренностями.

Опасность межгосударственного вооруженного конфликта в Арктике ничтожно мала. Для такого конфликта нет причин в виде неразрешимых споров между государствами по вопросу о разграничении морских пространств в Северном Ледовитом океане. Правовой статус и правовой режим этих пространств никем не оспаривается. Большинство вопросов, возникших в последние де-

* *Загорский А. В.* Освоение Арктики: вопросы безопасности // Специальное приложение ИМЭМО к русскому изданию ежегодника СИПРИ 2011. Ежегодник СИПРИ 2011: вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2012. С. 660–674.

сятилетия в связи с установлением 200-мильных исключительных экономических зон прибрежных государств, урегулированы. Немногие остающиеся открытыми вопросы вполне могут быть урегулированы в ходе переговоров между государствами или в рамках международных организаций.

В этом отношении РФ находится в благоприятном положении: у нее нет в Арктической зоне споров с соседними государствами о разграничении морских пространств.

Ввиду определенности в вопросе о границах суверенных прав и юрисдикции прибрежных государств в Северном Ледовитом океане причиной межгосударственного конфликта в Арктике вряд ли станут и вопросы доступа к минеральным ресурсам шельфа или водным биологическим ресурсам.

Арктике не грозит стать ни ареной военного столкновения государств, ни ареной гонки вооружений. Если не считать унаследованные от времен холодной войны компоненты военно-стратегической деятельности РФ и США в Арктике, у прибрежных государств нет здесь развернутых группировок вооруженных сил, и они не планируют их разворачивать в будущем.

Вместо этого они готовятся к реагированию на чрезвычайные ситуации разного рода, вероятность которых существенно возрастает по мере наращивания хозяйственной деятельности в регионе. Речь идет, прежде всего, о необходимости обеспечения в Арктике экологической безопасности, безопасности судоходства, противодействию новым трансграничным вызовам и угрозам для безопасности и главное — о необходимости адаптации населения региона (особенно — коренного) и хозяйственной деятельности ко все более остро ощущаемым последствиям климатических изменений.

Разграничение морских пространств и континентального шельфа

Границы суверенных прав и юрисдикции пяти прибрежных государств в отношении Северного Ледовитого океана — Дании (в отношении Гренландии), Канады, Норвегии, РФ и США — определяются в соответствии с нормами международного морского права и, в первую очередь, Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.¹ Соответствующие права арктических государств никем не оспариваются. Есть отдельные исключения, о которых будет сказано ниже.

Суверенитет прибрежных государств распространяется на внутренние морские воды и территориальное море (12 морских миль). *Юрисдикция прибрежных государств* распространяется на хозяйственную деятельность в их исключительных экономических зонах (200 миль). Они обладают также *суверенными правами* на разведку и разработку ресурсов континентального шельфа, границы которого совпадают с границами исключительных экономических зон, но могут быть расширены, если будет доказано, что континентальный шельф простирается за пределами 200-мильной зоны. Это обстоятельство важно, в частности, для определения суверенных прав государств на разведку и разработку месторождений нефти и газа, других минеральных ресурсов на дне арктических морей.

В то же время все государства (не только прибрежные) обладают правом на *мирный проход в территориальных водах, транзитный проход по проливам, используемым для морского судоходства, на свободу судоходства и полетов* в 200-мильной зоне. В свободных экономических зонах все государства обладают правом прокладки кабелей, трубопроводов, возведения искусственных островов и других установок, рыболовства, научных исследований с согласия прибрежного государства и с соблюдением установленных им правил.

На район открытого моря за пределами исключительных экономических зон и континентального шельфа ни суверенитет, ни юрисдикция прибрежных государств не распространяются. Здесь действует принцип *свободы открытого моря* — свобода судоходства, полетов, прокладки кабелей, трубопроводов, возведения искусственных островов и других установок, рыболовства, проведения научных исследований. Район морского дна в этой зоне считается «общим наследием человечества», а регулированием и управлением разведки и разработки его ресурсов призван заниматься Международный орган по морскому дну.

Установление прибрежными государствами 200-мильных исключительных экономических зон в последней четверти XX столетия сопровождалось возникновением спорных ситуаций там, где эти зоны пересекались (накладывались друг на друга). Такие ситуации возникали практически у всех прибрежных арктических государств. Это требовало от них договориться о *разграничении экономических зон и континентального шельфа*. Сегодня подавляющее **большинство вопросов, касающихся делимитации морских**

границ арктических государств, разграничения исключительных экономических зон и континентального шельфа, урегулированы на основе двусторонних соглашений.

Еще в 1990 г. СССР подписал соглашение с США о линии разграничения морских пространств в Беринговом и Чукотском морях. Соглашение до сих пор не ратифицировано российским парламентом, но применяется на временной основе. Сама морская граница здесь никем не оспаривается. Задержка ратификации соглашения связана главным образом с решением вопроса о компенсации потерь российским рыбакам. Имеется в виду урегулировать его на основе двустороннего соглашения о рыболовстве².

В сентябре 2010 г. был подписан российско-норвежский договор о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане³.

В результате достигнутых за последние сорок лет межгосударственных договоренностей **открытых вопросов о морских границах в Арктике осталось немного**. Они касаются главным образом границ Канады с Данией и США.

Непризнанной остается природоохранная зона, введенная Норвегией вокруг архипелага Шпицберген (вместо исключительной экономической зоны) с целью пресечения здесь неконтролируемого рыбного промысла.

Внешние границы континентального шельфа

В процессе применения норм Конвенции возникали и другие вопросы. Они решаются государствами на основе положений Конвенции и с использованием предусмотренных ею механизмов, в том числе — механизмов мирного урегулирования споров. Основное внимание в последнее десятилетие было приковано к вопросу о возможных конфликтах, связанных с намерением прибрежных государств расширить внешние границы своего арктического шельфа за пределы исключительных экономических зон.

В самой постановке государствами вопроса о расширении внешних границ их континентального шельфа нет ничего необычного. Такое право им дает ст. 76 Конвенции ООН по морскому праву⁴. Конвенцией определяется порядок его реализации и урегулирования возможных встречных претензий государств. Нет ничего удивительного и в том, что именно на последние полтора десятилетия пришлось наиболее интенсивное обсуждение данного вопроса.

Согласно правилам процедуры Комиссии по границам континентального шельфа, соответствующие представления и доказательства продолжения континентального шельфа за пределами особых экономических зон могут быть направлены государствами в течение десяти лет со времени вступления Конвенции ООН по морскому праву в силу для соответствующего государства⁵.

Свои представления по границам континентального шельфа в Арктике в Комиссию уже направили Россия⁶ (2001 г.) и Норвегия (2006 г.). Рассмотрев представление Российской Федерации, Комиссия в 2002 г.⁷ запросила дополнительные материалы и доказательства того, что подводные хребет Ломоносова и поднятие Менделеева являются продолжением материковой части России.

Представление Норвегии касалось уточнения внешней границы норвежского континентального шельфа в трех районах, включая анклав Баренцева моря. Представленные Осло доказательства были приняты Комиссией в 2009 г. Однако Норвегии было рекомендовано до окончательного установления границы своего континентального шельфа в анклав провести его разграничение с РФ, поскольку шельф в этом районе является продолжением не только норвежской, но и российской части материка⁸. Это разграничение и было осуществлено в результате подписания российско-норвежского договора 2010 г.

Представления с обоснованием правомерности расширения внешних границ их континентального шельфа в Северном Ледовитом океане готовят также Канада (для нее срок представления документов истекает в ноябре 2013 г.) и Дания в отношении Гренландии (для нее срок истекает в декабре 2014 г.)⁹. Дания уже объявила, что ее представление будет касаться трех участков шельфа. Один из них — к северу от Гренландии — простирается вплоть до Северного полюса и пересекается с представлениями других государств, предъявляющими права на этот район¹⁰.

США, не ратифицировавшие Конвенцию 1982 г., также ведут сбор доказательств для обоснования своих позиций.

Именно возможность возникновения конкурирующих претензий государств на распространение своих суверенных прав на разведку и разработку ресурсов морского дна в районе Северного полюса рассматривается политиками и экспертами в разных странах как возможная причина потенциального конфликта в Арктике. Однако важно иметь в виду, что в данном случае **речь не идет о соревновании государств за возможность первым обосновать**

и утвердить свои права на расширение внешних границ континентального шельфа вплоть до Северного полюса.

Практика показывает, что такие споры могут долго оставаться неурегулированными, не осложняя отношения между государствами, если от их урегулирования не зависит решение конкретных вопросов, в частности, проведение разведывательных работ на шельфе. Морское же дно центрального района Северного Ледовитого океана считается сегодня малоперспективным с точки зрения разведки углеводородных ресурсов¹¹. По этой причине любое решение данного вопроса будет иметь для государств в основном символический характер.

В мае 2008 г. в декларации, принятой в гренландском Илулисате, министры иностранных дел пяти прибрежных арктических государств недвусмысленно подтвердили приверженность своих стран нормам международного морского права и намерение руководствоваться ими при решении всех спорных вопросов. Они напомнили, «что в отношении Северного Ледовитого океана применяется обширная международно-правовая база» и что, «в частности, в морском праве закреплены важные права и обязательства, относящиеся к определению внешних границ континентального шельфа, защите морской среды, включая районы, покрытые льдом, свободе судоходства, проведению морских научных исследований и другим видам использования моря».

В Илулиссатской декларации говорится о приверженности пяти прибрежных стран «этой правовой базе и упорядоченному урегулированию любых возможных перекрывающихся претензий»¹² на ее основе. «Пятерка» арктических государств также договорилась о научном и техническом сотрудничестве при подготовке и продвижении ими представлений о расширении внешних границ своего континентального шельфа¹³. Прямое упоминание в декларации Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. отсутствует по единственной причине — США до сих пор ее не ратифицировали. В то же время они обладают правами по Конвенции и применяют большинство ее норм, заявив о приверженности нормам обычного международного морского права¹⁴, кодифицированным в Конвенции, и являясь участниками Женевских морских конвенций 1958 г.

Международное судоходство

В арктическую повестку дня постепенно встает вопрос о регулировании судоходства и, соответственно, о юрисдикции при-

брежных государств в водах канадского Северо-Западного прохода и российского Северного морского пути.

Если Канада относит Северо-Западный проход к своим внутренним водам, то США и другие страны настаивают на праве транзитного прохода как через проливы, используемые для международного судоходства и соединяющие один район открытого моря (экономической зоны) с другим или с территориальным морем прибрежного государства. Предусмотренный для таких проливов режим транзитного прохода не применяется только в том случае, если имеется столь же удобный путь в открытом море или исключительной экономической зоне. Аналогичная ситуация возникает и в отношении навигации по Северному морскому пути.

Поскольку в настоящее время судоходство по Северному морскому пути и Северо-Западному проходу на протяжении большей части года существенно ограничено или невозможно из-за ледового покрытия, данный вопрос пока не стоит в практической плоскости.

Канада и Россия всегда могут опереться на ст. 234 Конвенции ООН по морскому праву, которая позволяет им «принимать и обеспечивать соблюдение недискриминационных законов и правил по предотвращению, сокращению и сохранению под контролем загрязнения морской среды с судов в покрытых льдами районах в пределах исключительной экономической зоны, где особо суровые климатические условия и наличие льдов, покрывающей такие районы в течение большей части года, создают препятствия либо повышенную опасность для судоходства, а загрязнение морской среды могло бы нанести тяжелый вред экологическому равновесию или необратимо нарушить ее».

Ссылкой на ст. 234 Канада и в прошлом СССР обосновывали свое право определять порядок навигации по Северо-Западному проходу и Северному морскому пути. Однако закономерен вопрос о применимости ст. 234 в условиях, если в результате климатических изменений эти морские трассы в течение большей части года будут свободны ото льда. Ведь именно с этой перспективой связываются прогнозы дальнейшей интенсификации судоходства в Арктике.

При рассмотрении проблем национального и международно-го регулирования судоходства в арктических водах важно иметь в виду, что **существующие в этом отношении разногласия и порой противоположные позиции государств не представляют собой спор относительно того, суверенитет и юрисдикция какого прибрежного государства распространяются на соответствующие**

акватории. Сами суверенные права и юрисдикция прибрежных государств не ставятся под вопрос.

Речь идет только о границах их юрисдикции в соответствии с положениями Конвенции ООН по морскому праву и о реализации прав других государств на мирный или транзитный проход.

Вопросы регулирования международного судоходства рассматриваются в рамках Международной морской организации (ИМО). К ее компетенции относятся вопросы правил судоходства, предотвращения загрязнения морской среды с судов, а также безопасности судоходства.

Доступ к минеральным ресурсам

Морские пространства Арктики рассматриваются как важный резерв минеральных, прежде всего углеводородных ресурсов. Правда, значительная часть предполагаемых ресурсов региона еще нуждается в разведке и подтверждении. Но в любом случае **перспектива возникновения здесь конфликтов за права доступа к энергетическим ресурсам не просматривается.**

Наиболее перспективной с точки зрения разведки и разработки углеводородных ресурсов в Северном Ледовитом океане считается прибрежная шельфовая зона. Это — район исключительных экономических зон, в которых суверенные права на разведку и разработку ресурсов морского дна и его недр принадлежат прибрежным государствам и никем не оспариваются.

Не оспариваются здесь и права РФ. Российский арктический шельф (как и Арктический регион в целом) богат не столько нефтью, сколько газом. При этом 98% разведанных и предварительно оцененных запасов российского шельфа в Арктике приходится на 27 уникальных или крупных месторождений, находящихся в пределах российской 200-мильной исключительной экономической зоны¹⁵. Россия обладает здесь суверенными правами на разведку и разработку соответствующих месторождений.

Что же касается минеральных ресурсов района морского дна за пределами исключительных экономических зон и границ континентального шельфа прибрежных государств, то прерогатива регулирования и управления их разведкой и разработкой, согласно положениям Конвенции ООН по морскому праву и принятому в ее развитие соглашению 1994 г., принадлежит Международному органу по морскому дну.

Правда, именно эти положения Конвенции вызвали больше всего споров на этапе ее подготовки и потому содержат наибольшее число компромиссов, дополненных договоренностями 1994 г. Но одно обстоятельство ясно вытекает из положений Конвенции, как и в целом из норм обычного международного морского права, как они сформировались в период до 1982 г.: прибрежные государства не могут претендовать на осуществление суверенных прав в отношении этого района морского дна и ограничивать право других государств (как арктических, так и неарктических) на разведку и разработку здесь минеральных ресурсов.

Демилитаризация Арктики

Проведенный выше анализ позволяет сделать вывод о том, что в современной Арктике нет нерешенных вопросов, споры по которым могли бы привести к возникновению межгосударственного конфликта. Тем не менее, в последние годы все чаще звучат опасения по поводу милитаризации региона¹⁶. В доказательство этого тезиса, как правило, приводятся факты участвовавшей военной деятельности (военных учений) в Арктической зоне — в Канаде, Норвегии и у берегов Аляски, планы по модернизации вооруженных сил и военной инфраструктуры арктических государств.

Однако анализ военного потенциала арктических государств и программ его модернизации позволяет констатировать обратное: **в Арктике наблюдается тенденция не к милитаризации, а к постепенной демилитаризации.** Прибрежные государства не готовятся к возможности вооруженного столкновения в регионе. В Арктической зоне сегодня практически нет развернутых боевых соединений государств, если не считать российский Северный флот. Ни одно государство не планирует их здесь развертывать.

Северный флот РФ является не просто самым крупным, а единственным боевым военно-морским соединением, постоянно развернутым в Арктике¹⁷. Однако он создавался в годы холодной войны не для решения собственно арктических военных задач, а в качестве одного из элементов стратегического противостояния СССР и США¹⁸. К главным задачам входящих в его состав боевых кораблей, подводных лодок, сил противолодочной и противовоздушной обороны относились прикрытие российских стратегических ракетноносцев и нарушение военно-морских коммуникаций США и стран НАТО в Северо-Восточной Атлантике. С учетом

стратегического, а не регионального значения Северного Флота, российские эксперты, как правило, исключают его из подсчетов военного баланса в регионе. Но тогда из этого баланса придется исключить и аналогичные силы других государств.

Именно стратегические соображения со времен холодной войны определяли и определяют военное значение Арктики для РФ, США и их союзников. Через регион пролегают траектории баллистических ракет (БР) РФ и США. На Аляске, Кольском и Чукотском полуостровах были созданы базы их стратегических бомбардировщиков (в 2008 г. самолеты российской стратегической авиации возобновили трансарктические полеты).

В Северный Ледовитый океан эпизодически выходят многоцелевые американские подводные лодки, подводные лодки Франции и Великобритании, хотя они не базируются в регионе на постоянной основе. В Арктической зоне (в РФ, США, Канаде, Норвегии, Гренландии) развернуты системы противовоздушной и противолодочной обороны, радары систем противоракетной обороны.

За последние 20 лет масштабы стратегической военной деятельности РФ, США и других стран НАТО в Арктике сократились в разы. В частности, корабельный состав Северного флота РФ сократился в восемь раз. Среднее количество ежегодно проводимых военно-морских учений — более чем в шесть, а их масштаб — почти в пять раз¹⁹.

Ранее закрытый в силу своего стратегического значения регион постепенно стал открываться для сотрудничества, в том числе для совместного решения вопросов безопасного хранения и утилизации ядерных боеприпасов и материалов, атомных подводных лодок.

Сокращением масштабов военно-стратегической деятельности РФ и США в Арктике определяются масштабы постепенной, хотя далеко еще не окончательной демилитаризации региона. При этом сокращение военно-стратегической деятельности не сопровождалось здесь наращиванием конвенциональной военно-морской деятельности арктических государств.

Носящей военно-стратегический характер деятельностью практически исчерпывается *регулярная военно-морская деятельность в Арктике*²⁰. США и Канада не имеют здесь постоянно развернутых военно-морских сил, ограничиваясь немногочисленными силами береговой охраны. Незначительное военное присутствие в регионе (два фрегата и три катера рыбоохраны) в районе Гренландии

поддерживает Дания. Относительно крупный флот в Арктической зоне (если не считать Северный флот РФ) имеет только Норвегия (пять фрегатов проекта «Фридьоф Хансен», шесть дизельных подводных лодок проекта «Ула», вспомогательные корабли).

В силу немногочисленности военно-морских сил и средств арктических государств в регионе, сопоставляя их конвенциональные (нестратегические) военно-морские потенциалы, эксперты порой сравнивают не собственно арктические, а их совокупные военно-морские возможности. Проводя такое сравнение, они допускают, что арктические государства могут перебросить в регион дополнительные силы и средства из состава других флотов. При этом они отдают себе отчет в том, что «большая часть номенклатуры мобилизационных судовых ресурсов (арктических государств. — А. З.) не предназначена для выполнения боевых задач в высоких широтах с учетом текущей (2011 г.) ледовой и климатической обстановки». Но допускают, что возможность усиления арктических флотов появится в обозримой перспективе, которую они связывают с прогнозами исчезновения ледового покрова Северного Ледовитого океана²¹.

Наряду с отсутствием серьезных причин (мотивов) для межгосударственных конфликтов в Арктике, в сопоставлении совокупного, а не арктического военно-морского потенциала прибрежных государств заключается главная слабость прогнозов милитаризации Арктики. Приводившиеся выше результаты исследований российских специалистов, как и первое комплексное исследование собственно арктических военных потенциалов прибрежных стран, опубликованное в марте 2012 г. Стокгольмским международным институтом исследования проблем мира (СИПРИ)²², свидетельствуют об отсутствии не только опасности, но и планов гонки вооружений у прибрежных государств.

У прибрежных государств нет сегодня военных кораблей (надводных или подводных), сконструированных и оборудованных для плавания в арктических льдах. Исключение составляют только российский, американский, французский и британский подводные флоты, призванные выполнять стратегические, а не региональные задачи.

У США, Канады, Норвегии и Дании есть надводные корабли, способные осуществлять патрулирование в северных полярных широтах. Но нет кораблей, способных выполнять боевые задачи в ледовых условиях Арктики. Из всех имеющихся у них

сил и средств только четыре патрульных фрегата Дании проекта «Тетис» могут ходить во льдах толщиной до 1 м. Но и это не позволяет им осуществлять патрулирование в смежных канадско-гренландских водах в зимнее время (то есть на протяжении большей части года).

Предположение же о том, что обстановка в Арктике коренным образом изменится в ближайшие десятилетия в результате потепления и что это сделает возможным усиление военно-морских сил в Арктике за счет других флотов, неоправданно упрощает ситуацию.

В результате наблюдаемых климатических изменений в Арктике тает многолетний лед. Но на протяжении большей части года арктические акватории скованы сезонным льдом. В самых далеких прогнозах ледовая обстановка в Арктике останется крайне сложной для навигации на протяжении большей части года, а климатические условия — крайне суровыми²³. Поэтому переброска сюда сил и средств атлантических и тихоокеанских флотов прибрежных государств, не сконструированных и не оборудованных для плавания в арктических льдах, не представляется возможной.

Анализ военных программ арктических государств на период 2015–2025 гг. свидетельствует о том, что они **не планируют формирование и развертывание военно-морского потенциала, способного решать боевые задачи в арктических условиях**.

Канада планирует постройку к 2017 г. 6–8 новых патрульных кораблей военно-морских сил (ВМС) для несения боевого дежурства в арктических водах. Норвегия планирует постройку двух фрегатов. Однако ни один из этих кораблей не сконструирован для плавания во льдах²⁴. По этой причине, в частности в Канаде, продолжается дискуссия, в которой члены профильных комитетов Сената отстаивают точку зрения, что патрулирование в северных водах страны должны осуществлять не силы ВМС, а корабли береговой охраны²⁵.

В США также обсуждался вопрос о возможности патрулирования арктических вод кораблями ВМС по мере отступления многолетних льдов. Однако конкретных планов такого рода нет. К тому же после краткосрочного всплеска интереса к военно-политическим проблемам Арктики в 2008 г. в последние годы региональная проблематика явно отошла на задний план американской политики.

Не следует драматизировать и другие заявленные планы модернизации вооруженных сил арктических государств²⁶.

Размещенные на Аляске на базах в Анкоридже и Фэрбенксе подразделения американской механизированной пехоты и десантных войск не предназначены для операций в Арктике. Норвегия планирует вдвое сократить численность своего самого крупного боеготового подразделения — «северной бригады».

Главные же направления модернизации арктического потенциала прибрежных государств (прежде всего — Канады и отчасти Дании в отношении Гренландии) включают:

- формирование сил и средств для осуществления мониторинга оперативной обстановки в Арктическом регионе, включая ограниченное патрулирование арктических акваторий вблизи собственной территории;
- формирование потенциала для быстрого реагирования на чрезвычайные ситуации в Арктической зоне и с этой целью;
- подготовка личного состава для решения задач по реагированию на чрезвычайные ситуации в Арктической зоне.

Хотя в последние годы основное внимание в том, что касается российской политики в Арктике, привлекали сообщения о предстоящем формировании арктических сил и о планах развертывания на Кольском полуострове в дополнение к армейской бригаде двух десантных бригад, по сути, российская политика в регионе²⁷ развивалась в том же направлении, что и политика других арктических государств. В 2008 г. Советом Безопасности РФ было принято решение о создании в Арктике сил береговой охраны и укреплении пограничных войск, о формировании комплексной системы контроля за оперативной обстановкой в регионе. К 2015 г. вдоль Северного морского пути планируется создать 10 спасательных центров МЧС.

Сегодня в Арктике речь идет не столько о подготовке государств к классическому вооруженному межгосударственному конфликту, сколько к формированию потенциала для реагирования на новые вызовы и угрозы, с которыми они могут столкнуться здесь в результате климатических изменений и освоения арктических акваторий.

Все это позволяет сделать вывод о том, что объективной опасности милитаризации региона ни сегодня, ни на обозримую перспективу нет. Однако было бы неверным полностью сбрасывать со счетов ведущиеся сегодня дискуссии, в ходе которых обсуждается и такой сценарий развития ситуации. В данном случае мы имеем дело с по-

пытками формирования арктической повестки дня, в рамках которой повышенное внимание уделялось бы вопросам безопасности. Прибрежные же государства с недоверием следят за действиями своих соседей и программами модернизации их вооруженных сил.

Сама по себе эта тенденция позволяет поставить вопрос о согласовании прибрежными государствами адекватных мер по укреплению взаимного доверия и развитию сотрудничества в сфере безопасности, с тем чтобы минимизировать негативный эффект гипертрофированных опасений «милитаризации» региона.

Новые вызовы для безопасности в Арктике

Новые вызовы генерируются главным образом в результате наблюдаемых и ожидаемых климатических изменений, а также под воздействием расширения хозяйственной деятельности в Северном Ледовитом океане по мере его освобождения от многолетнего льда. Они делают очевидной необходимость расширения сотрудничества государств.

Расширение хозяйственной деятельности в морской Арктике связывается прежде всего, с перспективами разработки минеральных ресурсов шельфа, расширением транспортного и пассажирского судоходства, распространением рыбного промысла на арктические моря, в которых до последнего времени рыболовство не велось.

Изменение арктического климата — потепление и сокращение площади многолетнего льда, деградация вечной мерзлоты — само по себе ведет к серьезным изменениям:

- деградации уникальных арктических экосистем;
- исчезновению и замещению ряда растительных и животных биологических видов;
- серьезным социальным и экономическим последствиям в результате эрозии берегов и затопления части береговых территорий, разрушения привычных условий ведения хозяйства и жизненного уклада коренного населения, деградации и разрушения инженерных сооружений и других объектов инфраструктуры (портовых сооружений, дорог, линий электропередач, трубопроводов и др.).

Все это превращает Арктику в зону повышенного риска для жизни и здоровья людей²⁸, ставя в повестку дня весь комплекс вопросов гуманитарной безопасности (или безопасности человека).

Происходящее в условиях потепления климата и тем более ожидаемое расширение хозяйственной деятельности в сухопутной и морской арктической зоне ведет к усилению антропологического воздействия на экологические системы Арктики. Оно связано и с появлением новых вызовов для безопасности в том числе в становящихся все более доступными арктических акваториях. **Расширение хозяйственной деятельности будет порождать новые проблемы в области безопасности и увеличивать существующие.** Но они, скорее всего, не будут связаны с повышением вероятности межгосударственных конфликтов и военного противостояния государств.

На передний план все больше будут выходить такие проблемы, как безопасность судоходства в арктических морях по мере расширения навигации; опасность загрязнения морской среды с судов и с суши; опасность разлива нефти и другого ущерба окружающей среде по мере расширения масштабов разведки и разработки минеральных ресурсов шельфа; расширение масштабов трансграничной незаконной деятельности, в частности, незаконной миграции, трансграничной организованной преступной и террористической деятельности

Эти процессы потребуют от прибрежных государств адекватного ответа, к которому ни одно из них сегодня не готово. Речь, в частности, идет о повышении требований к стандартам безопасного судоходства в арктических морях, включая предотвращение загрязнения морской среды с судов.

В условиях более интенсивной навигации в суровых условиях Арктики возрастает опасность аварийных ситуаций. Это потребует от государств наращивания потенциала для осуществления операций поиска и спасания на море. Разработка ресурсов шельфа со всей остротой поставит здесь вопрос о предотвращении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Повышение опасности трансграничной незаконной деятельности в становящейся все более доступной Арктической зоне потребует усиления береговой охраны арктических государств.

Все это предполагает не сокращение, а расширение ледокольного флота прибрежных государств, укрепление и модернизацию сил береговой охраны, формирование современных систем контроля над оперативной обстановкой, включая космические системы мониторинга. Большинство, если не все эти задачи государствам проще решать на основе двустороннего и многостороннего сотрудничества.

В последние годы прилагаются определенные усилия, **направленные на расширение сотрудничества арктических государств по решению проблем безопасности в Арктическом регионе.**

Вопросы регулирования судоходства обсуждаются в рамках ИМО. В 2009 г. в факультативное Руководство для судов, осуществляющих плавание в покрытых льдами арктических водах, 2002 г.²⁹ были внесены изменения. Действие нового руководства для судов, осуществляющих плавание в полярных водах, вступившего в силу в 2011 г.³⁰, распространено на районы как Арктики, так и Антарктики. Оно содержит рекомендации относительно требований, предъявляемых к судам для плавания в ледовых условиях, — к конструкции судов, их оборудованию, квалификации персонала, предотвращению загрязнения окружающей среды и др. На основе руководства ведется работа над проектом Международного кодекса безопасности для судов, осуществляющих плавание в полярных водах. Кодекс, в отличие от Рекомендаций 2009 г., должен содержать требования, обязательные для государств.

В 2008 г. государства — участники Совета Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР) подписали межправительственное соглашение о сотрудничестве в области предотвращения и борьбы с чрезвычайными ситуациями. В участвующих в деятельности организации странах, в том числе в РФ, проводятся совместные учения.

В рамках Арктического совета в мае 2011 г. подписано Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике. Этим соглашением определены зоны индивидуальной и совместной ответственности восьми государств по проведению операций спасания. Тогда же в мае 2011 г. на встрече министров иностранных дел Арктического совета принято решение о подготовке панарктического соглашения о сотрудничестве государств в области готовности и реагирования на морские разливы нефти. Приняты и другие решения об укреплении сотрудничества стран Арктического совета, направленного в том числе на сохранение морской среды и уникальных экосистем Арктического региона.

В меняющихся условиях возрастает потребность в расширении двустороннего и налаживании многостороннего сотрудничества служб береговой охраны. Прибрежные государства постепенно приходят к выводу о необходимости проведения общих учений таких служб в Арктике.

Достойным сожаления исключением из практики нарастающего сотрудничества арктических государств остаются военные, в том числе военно-морские учения. Если западные государства (из пяти прибрежных государств четыре являются членами НАТО, в Альянс входят пять из восьми стран – членов Арктического совета) регулярно принимают участие в учениях, проводимых в Канаде и Норвегии, то Россия остается в стороне от этой совместной деятельности. Правда, в последние годы РФ и Норвегия начали проводить совместные, в том числе военно-морские учения в Арктике.

Утверждение практики приглашения всех арктических государств для участия или наблюдения за проводимыми в регионе военными учениями могло бы стать важной мерой не только по укреплению сотрудничества и взаимодействия прибрежных государств, но и по укреплению доверия между ними, тем самым противодействуя развитию негативных тенденций.

Примечания

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву // United Nations — Treaty Series. 1994. Vol. 1834. I-31363. P. 179 – 370.

² См.: *Глубоков А. И., Глубоковский М. К.* Международно-правовое регулирование рыболовства в Арктических морях // Арктика: зона мира и сотрудничества / Отв. ред. А. В. Загорский. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 111 – 116.

³ Подробнее о российско-норвежском разграничении см.: *Коньшев В. Н., Сергунин А. А.* Арктика в международной политике: сотрудничество или соперничество? М.: РИСИ, 2011. С. 47 – 52; *Глубоков А. И., Глубоковский М. К.* Указ. соч. С. 111 – 114.

⁴ *Corell H.* The Arctic. An Opportunity to Cooperate and to Demonstrate Statesmanship // *Vanderbilt Journal of Transnational Law.* 2009. Vol. 42. P. 1068.

⁵ Правила процедуры Комиссии по границам континентального шельфа. Правило 45. Представление, делаемое прибрежным государством. С. 17.

⁶ Россия претендует на расширение внешних границ своего континентального шельфа не только в Северном Ледовитом океане, но и в Охотском море.

⁷ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву. Комиссия по границам континентального шельфа. Одиннадцатая сессия. Нью-Йорк, 24 – 28 июня 2002 года. Заявление Председателя Комиссии по границам континентального шельфа о ходе работы в этой комиссии. Документ CLCS/34. С. 4 – 6.

⁸ Summary of the Recommendations of the Commission on the Limits of the Continental Shelf in regard to the submission made by Norway in respect of areas in the Arctic Ocean, the Barents Sea, and the Norwegian Sea on 27 November 2006.

⁹ Дания уже направила в Комиссию представление о расширении внешних границ континентального шельфа на двух участках в районе Фарерских островов.

¹⁰ Kingdom of Denmark Strategy for the Arctic 2011 – 2020. Copenhagen: Ministry of Foreign Affairs, 2011. P. 14 – 15.

¹¹ См.: *Телегина Е. А.* Освоение природных ресурсов // Россия в полицентричном мире / Под ред. А. А. Дынкина, Н. И. Ивановой. М.: Весь мир, 2011. С. 481.

¹² Декларация Конференции по вопросам Северного Ледовитого океана, Илулиссат, Гренландия, 27 – 29 мая 2008 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-dos.nsf/45682f63b9f5b253432569e7004278c8/4f5a1690c129f353c325788f0036a493?OpenDocument>.

¹³ Выступление представителя РФ в Комитете старших должностных лиц Арктического совета, посла по особым поручениям А. В. Васильева на Международном Арктическом Форуме «Арктика территория диалога», Москва, 22 – 23 сентября 2010 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-dos.nsf/45682f63b9f5b253432569e7004278c8/c85bcbec54d02d89c32575bc00243e13?OpenDocument>.

¹⁴ См.: *Corell H.* Op. cit. P. 1076 – 1077. В то же время неучастие в конвенции 1982 г. определяет и ряд отличий в обязательствах США по международному морскому праву. Эти отличия касаются, в частности, установления внешней границы континентального шельфа, ширину которого, согласно конвенции 1958 г., государства могут устанавливать сами на основе принципа эксплуатабельности.

¹⁵ *Телегина Е. А.* Указ. соч. С. 484.

¹⁶ *Коньшев В. Н., Сергунин А. А.* Указ. соч. С. 134 – 141; *Апанасенко М. В., Ознобищев С. К.* Конвенциональные вопросы безопасности в Арктике // Арктика: зона мира и сотрудничества / Отв. ред. А. В. Загорский. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 98. Авторы указывают на «предпосылки для обострения военно-политических отношений» между арктическими государствами.

¹⁷ Постоянно развернутые в Арктике военно-морские силы и средства РФ насчитывают около 100 надводных кораблей. См.: *Апанасенко М. В., Ознобищев С. К.* Указ. соч. С. 97.

¹⁸ Подробнее о военно-стратегической деятельности в Арктике см.: *Арбатов А. Г., Дворкин В. З.* Военно-стратегическая деятельность России и США // Россия в полицентричном мире / Под ред. А. А. Дынкина, Н. И. Ивановой. М., 2011. С. 473 – 480; *Арбатов А. Г.* Арктика и стратегическая стабильность // Арктика: зона мира и сотрудничества / Отв. ред. А. В. Загорский. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 59 – 74; *Дворкин В. З.* ПРО и безопасность в Арктике // Арктика: зона мира и сотрудничества / Отв. ред. А. В. Загорский. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 75 – 86.

¹⁹ *Апанасенко М. В., Ознобищев С. К.* Указ. соч. С. 96 – 97.

²⁰ Там же. С. 101 – 102.

²¹ Там же. С. 102.

²² См.: *Wezeman S. T. Military Capabilities in the Arctic*. SIPRI Background Paper. March 2012.

²³ См., в частности: *Коновалов А. М. Транспортная инфраструктура российской Арктики: проблемы и пути их решения // Арктика: зона мира и сотрудничества / Отв. ред. А. В. Загорский. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 138 – 139.*

²⁴ Об ограничениях на применение в арктических водах канадских фрегатов проекта Галифакс см.: *Forget P. Commander. Bridging the Gap: The Limitations of Pre-AOPS Operations in Arctic Waters // Canadian Naval Review. Winter 2012. Vol. 7. No 4. P. 16 – 20.*

²⁵ *Pugliese D. Use Coast Guard, not Navy. Senators want Navy to take back-seat to Coast Guard in the Arctic // Defence Watch. 2010. 19 January.*

²⁶ Канада планирует после 2020 г. заменить 80 истребителей *F/A-18* на 65 новых самолетов *F-35*. Но эти самолеты, базирующиеся не в Арктической зоне, а на атлантическом побережье и в центре страны, предназначены не для арктических операций, а для защиты воздушного пространства Канады от незаконного вторжения. Основные же планы по модернизации арктической военной авиации Канады предполагают замену после 2020 г. 18 противолодочных самолетов *CP-140*, способных осуществлять дежурное патрулирование в арктических широтах, 10 – 12 новыми самолетами. Оттава планирует заменить транспортные самолеты *C-130* новыми самолетами для поиска и спасания с воздуха и закупить 6 беспилотных летательных аппаратов для морского и, в частности, арктического патрулирования.

Норвегия планирует заменить 60 истребителей *F-16* на 56 самолетов *F-35*. Однако страна не имеет самолетов для дозаправки истребителей в воздухе, что существенно сокращает зону их применения. К тому же норвежское военное руководство планирует закрыть главную базу ВВС на севере (Бодо) и перенести ее на юг страны.

²⁷ См.: *Коньшев В. Н., Сергунин А. А. Указ. соч. С. 58 – 61.*

²⁸ *Коновалов А. М. Указ. соч. С. 139 – 140.*

²⁹ International Maritime Organization. Guidelines for ships operating in Arctic ice-covered waters. Ref. T1/3.02. 23 December 2002.

³⁰ Guidelines for ships operating in Polar waters. International Maritime Organization, Resolution A.1024(26), adopted on 2 December 2009.

А. А. Храмчихин

Военно-политическая ситуация в Арктике и сценарии возможных конфликтов*

До последнего времени проблема милитаризации Арктики имела почти исключительно теоретическое значение по причинам природно-климатического характера. Из-за наличия в этом регионе постоянного ледового покрова в акватории Северного Ледовитого океана и крайне тяжелых природных условий на суше деятельность всех видов ВС в Арктике была либо крайне затруднена, либо вообще невозможна. Причем по окончании холодной войны даже те воинские контингенты, которые находились в Арктике, были либо сокращены, либо вообще ликвидированы.

Ситуация изменилась в последние годы в связи с начавшимся интенсивным таянием арктических льдов и одновременно открытием крупных месторождений углеводородов на арктическом шельфе [1]. Возможное исчезновение ледового покрова создает условия для круглогодичного плавания торговых судов и боевых кораблей по Северному морскому пути и Северо-Западному проходу и сезонного — в высоких широтах, а также для добычи углеводородов на шельфе. Так, Северный морской путь (СМП) из Европы в Азию почти на 5 тыс. км короче пути через Суэцкий канал [2], Северо-Западный проход (СЗП) на 9 тыс. км короче пути через Панамский канал [1]. При этом США настаивают на том, что СМП и СЗП являются международными водами, в то время как Россия и Канада, соответственно, считают их своими внутренними водами [3].

В связи с этим проблема милитаризации Арктики возникла вновь. Она усугубляется тем, что акватория Северного Ледовитого океана и его шельф не разграничены, поскольку все приарктические страны имеют различные взгляды на данную проблему [2; 4].

В данной работе приарктическими странами будут считаться Россия, Канада, Норвегия, Дания (выходит к Арктике через Грен-

* Храмчихин А. А. Военно-политическая ситуация в Арктике и сценарии возможных конфликтов // Арктика и Север. 2011. № 2.

ландию) и США (через Аляску). Рядом с Северным полярным кругом находится Исландия, однако она не имеет ВС и каких-либо претензий на шельф и арктические акватории. Швеция и Финляндия имеют территории за полярным кругом, но у них нет выхода к Северному Ледовитому океану.

Все указанные страны, кроме, естественно, России, являются членами НАТО, однако в данном случае это не имеет решающего значения, поскольку имеются серьезные противоречия между ними. Следует рассмотреть ВС каждой страны в отдельности.

Канада

За период после окончания холодной войны ВС Канады, как и практически все остальные ВС стран — членов НАТО, прошли через существенные сокращения и трансформации. В 2005 г. было создано Канадское командование, которое отвечает за проведение всех военных операций на территории Северной Америки (как совместно с США, так и самостоятельно). В структуру Командования входят 6 региональных подкомандований (Северное, Тихоокеанское, Степное, Центральное, Восточное и Атлантическое). В 2006 г. были образованы Командование экспедиционных сил (отвечает за миротворческие операции), Командование сил специального назначения (отвечает за борьбу с терроризмом) и Вспомогательное командование (отвечает за тыловое обеспечение ВС) [5].

При этом в реальности практически все ВС [6, р. 28 — 31] подчиняются Канадскому командованию. Сразу после окончания холодной войны канадский воинский контингент был полностью выведен из Европы, зато после начала афганской операции НАТО около 3 тыс. канадских военнослужащих (1 бригадная группа) были направлены в Афганистан.

Сухопутные войска (численность — около 35 тыс. человек) включают 3 мотопехотные бригады (1-ю, 2-ю, 5-ю), инженерный полк, полк ПВО. В 2007 г. Канада приобрела в Голландии 100 танков «Леопард-2», еще 20 таких же танков было взято в лизинг в Германии, 12 танков закуплено в Швейцарии на запчасти. При этом на сегодняшний день из Голландии поступило лишь 40 танков. Большая их часть сразу направляется в Афганистан. Кроме того, на вооружении сухопутных войск имеется до 60 устаревших танков «Леопард-1», 200 боевых разведывательных машин (БРМ) «Койот», более 1,2 тыс. бронетранспортеров (БТР), около

200 артиллерийских орудий калибром 105 и 155 мм, более 100 минометов, 500 противотанковых ракетных комплексов (ПТРК) «Тоу» и «Эрике», 33 зенитных ракетных комплексов (ЗРК) *ADATS*.

ВВС (около 20 тыс. человек) включают 11 авиационных командований и канадский компонент объединенной канадско-американской системы ПВО Северной Америки *NORAD*. На вооружении состоят 80 истребителей F-18, 18 противолодочных самолетов CP-140, 7 заправщиков (2 А-310, 5 КС-130), около 50 транспортных самолетов, в том числе 7 стратегических (3 А-310, 4 С-17) и 24 тактических (С-130), 30 учебных самолетов, более 130 вертолетов, в том числе 6 тяжелых транспортных СН-47 и 28 противолодочных СН-124 «Си Кинг». Компонент системы *NORAD* включает 11 радиолокационных станций (РАС) дальнего и 36 ближнего действия [7].

ВМС (11 тыс. человек) имеют на вооружении 4 подводные лодки (ПЛ) типа «Виктория» (бывшие английские «Апхолдер»), 3 эсминца типа «Ирокез», 12 фрегатов типа «Галифакс», 12 тральщиков типа «Кингстон» и 12 патрульных кораблей. Еще 60 патрульных кораблей и катеров и 6 ледоколов имеются в составе Береговой охраны.

Таким образом, ВС Канады достаточно невелики по численности личного состава и количеству техники, к тому же обладают ограниченными возможностями в плане переброски войск на большие расстояния (в частности, ВМС не имеют десантных кораблей). Практически все части и подразделения сухопутных войск и ВВС дислоцированы в южной части страны (южнее 50-й параллели), самой «северной» является 1-я мотопехотная бригада (Эдмонтон, 53 с.ш.). На северных территориях дислоцирован только 1-й батальон канадских рейнджеров (Иеллоунайф, 62 с.ш.).

В последние три года руководство Канады неоднократно выражало озабоченность ситуацией в Арктике, в том числе военной активностью России, претензиями США на СЗП и территориальными спорами с Данией. В связи с этим предполагалось увеличить численность рейнджеров с 4,1 до 5 тыс. человек, построить в Резольюте центр сухопутных войск по обучению боевым действиям в арктических условиях [1]. Пока, однако, эти планы не реализованы, так как возможности страны в военном и финансовом плане весьма ограничены, а сотрудничество с США не всегда возможно из-за противоречий между этими странами именно по проблеме Арктики.

ВС Норвегии [6, р. 150 – 152] и Дании [6, р. 126 – 128] после окончания холодной войны подверглись очень существенным сокраще-

ниям, став одними из самых маленьких по численности личного состава и количеству вооружения и техники среди ВС всех стран НАТО. При этом эти две страны, в отличие от большинства других стран НАТО, сохранили призывную систему комплектования ВС.

Норвегия

Сухопутные войска (8 тыс. человек) включают 1 мотопехотную бригаду «Норд» (используется, в первую очередь, как учебная), полк сил специального назначения, пограничный батальон и батальон Королевской гвардии. На вооружении состоит 72 танка (52 «Леопард-2», 20 «Леопард-1»), более 100 боевых машин пехоты (БМП) CV9030, около 400 БТР, более 50 самоходных артиллерийских установок (САУ) М-109А3, более 250 минометов, более 500 ПТРК «Эрике» и «Джавелин».

ВВС (2,5 тыс. человек) имеют на вооружении 57 истребителей F-16, 6 противолодочных самолетов P-3 «Орион», 3 самолета радиоэлектронной борьбы (РЭБ) DA-20, 4 транспортных самолета C-130J, 15 учебных самолетов «Сафари», 36 вертолетов, в том числе 12 противолодочных «Си Кинг».

ВМС (3,5 тыс. человек) включает 6 ПЛ типа «Ула», 5 фрегатов типа «Нансен», 6 ракетных катеров на воздушной подушке типа «Скьёлд», 6 тральщиков на воздушной подушке типа «Альта» и «Оксей», 20 десантных катеров типа 90N. Кроме того, 10 патрульных кораблей входят в состав Береговой охраны. Фрегаты типа «Нансен» являются одними из наиболее современных боевых кораблей этого класса в мире, ракетные катера и тральщики на воздушной подушке фактически не имеют аналогов в мире. Фрегаты и ракетные катера имеют на вооружении единственную на Западе сверхзвуковую противокорабельную ракету (ПКР) *NSM* (кроме Норвегии, сверхзвуковые ПКР смогли создать только Россия и Китай) [8].

Части и подразделения ВС Норвегии достаточно равномерно распределены по территории страны. При этом танковый батальон бригады «Норд» (наиболее боеспособное подразделение в ее составе) находится на севере страны. Там же базируются противолодочные самолеты «Орион». В районе Нарвика находятся военно-морская база (ВМБ) Рамсунд и пункт базирования (ПБ) Сортланн ВМС Норвегии, но к ним приписаны только корабли и катера Береговой охраны. Также на севере страны находится ряд разведывательных объектов (РАС и станции РТР).

Дания

Сухопутные войска (10,6 тыс. человек) включают одну дивизию, в которую входят 2 бригады (в том числе 1 учебная). На вооружении около 150 танков (65 «Леопард-2», остальные — «Леопард-1»), около 120 БРМ, около 500 БТР, 24 САУ М-109, более 30 минометов, 12 реактивных систем залпового огня (РСЗО) MLRS, 20 ПТРК «Тоу», ПЗРК «Стингер».

ВВС (3,5 тыс. человек) имеют на вооружении 48 истребителей F-16 (еще от 7 до 10 — в складском резерве), 7 транспортных самолетов (4 С-130J, 3 CL-604), 28 учебных самолетов Т-17, 33 вертолета (12 AS-550, 7 «Си Кинг», 14 EH-101).

ВМС (3,5 тыс. человек) включают 4 фрегата типа «Тетис», 10 корветов типа «Флювефискен» (4 с ПКР, 2 в патрульном варианте, 4 в варианте тральщиков), 9 сторожевых катеров, 10 тральщиков, 2 корабля поддержки типа «Абсалон». Последние, по сути, не имеют аналогов в мире.

Они имеют мощное артиллерийско-ракетное вооружение (примерно на уровне фрегата), одновременно являясь десантными кораблями. Также не имеют аналогов корветы типа «Флювефискен», в конструкции которых в полной мере использован модульный принцип [9]. Все 3 ледокола, имевшиеся в составе ВМС Дании, в начале 2011 г. выставлены на продажу, так как в районе Ютландии в них нет необходимости, а возможность их боевого применения в Арктике, видимо, не рассматривается [10].

Все ВС Дании дислоцированы в «собственно Дании», т.е. на полуострове Ютландия и прилегающих к нему островах. При этом в составе ВМС имеется Гренландское командование. Оно включает 1–2 боевых корабля (по ротации) и 2–3 катера охраны рыболовства, его командующий (штаб находится в г. Греннедал) является старшим воинским начальником Дании на острове. Ему подчиняется санный патруль «Сириус», осуществляющий контроль прибрежной полосы путем передвижения на собачьих упряжках в летнее время. Численность патруля — около 30 человек (младшие офицеры и унтер-офицеры) [11].

Кроме того, в г. Туле находится РАС системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) США системы *BMEWS*.

В целом, применительно к Норвегии и Дании, как и к Канаде, говорить о «милитаризации» нет оснований, гораздо более применим термин «демилитаризация». Так, по данным, предоставляемым по

ДОВСЕ (они могут несколько расходиться с приведенными выше данными из-за различных нюансов классификации систем и статуса техники), по состоянию на 1 января 1990 г. Норвегия имела 205 танков, 146 боевых бронированных машин (ББМ), 531 артсистему калибром более 100 мм, 90 боевых самолетов. На 1 января 2010 г. у нее было 76 танков, 208 ББМ, 67 артсистем, 56 боевых самолетов. Дания на 1 января 1990 г. располагала 419 танками, 316 ББМ, 553 артсистемами, 106 боевыми самолетами. Через 20 лет у нее осталось 147 танков, 321 ББМ, 42 артсистемы, 62 самолета. Обе страны, как и Канада, произвели определенное обновление танкового парка за счет приобретения подержанных «Леопардов-2» в Германии и Голландии, однако их количество слишком мало для проведения сколько-нибудь серьезных операций. Норвегия и Дания (как и Канада) не имеют частей ВДВ и морской пехоты, почти нет у них и средств переброски войск. ВМС всех трех стран также невелики, кроме того, они не располагают возможностями для нанесения ударов по береговым целям (нет ни палубной авиации, ни крылатых ракет), за исключением артиллерийского обстрела целей непосредственно в прибрежной зоне.

С другой стороны, проведение в Арктике крупных войсковых операций с применением бронетехники, артиллерии и авиации в больших количествах вообще вряд ли возможно по условиям природно-климатического характера. Что касается действий ВМС и групп спецназа, то в той или иной степени все 3 страны способны их проводить. С этой точки зрения общая малочисленность «традиционных» ВС Канады, Норвегии и Дании и ограниченность их присутствия в Арктической зоне не дают основания полностью пренебрегать их боевым потенциалом.

Если для Канады, Норвегии и Дании было рассмотрено состояние их ВС в целом и в Арктике в частности, то полное описание ВС США и РФ, разумеется, не представляется возможным. Речь может идти только об их группировках, дислоцированных в Арктической зоне в настоящий момент, а также о том, за счет каких сил и средств может быть проведено усиление этих группировок.

США

Применительно к ВС США речь пойдет, в первую очередь, об их группировке на Аляске. Хотя практически все части и соединения в этом штате дислоцированы южнее Полярного круга, впол-

не естественно будет считать «американской Арктикой» Аляску в целом.

Группировка сухопутных войск на Аляске включает две из четырех бригад 25-й легкой пехотной дивизии (две другие бригады и штаб дивизии дислоцированы на Гавайях): 1-ю «Страйкер» и 4-ю воздушно-десантную. Эти бригады отличаются очень высокой стратегической мобильностью: 4-я воздушно-десантная бригада может быть переброшена в любую точку Земли за 18 ч., 1-я «Страйкер» — за 4 сут. Слабой стороной обеих бригад является очень низкая боевая устойчивость в «классической» войне против регулярной армии, оснащенной бронетехникой и авиацией. Так, бригада «Страйкер» оснащена боевыми машинами «Страйкер» общим количеством 308 шт. Из них 27 боевых машин с тяжелым вооружением (БМТВ) со 105-миллиметровой пушкой, 9 самоходных ПТРК «Тоу-2» и 36 самоходных минометов, остальные машины не имеют вооружения. Кроме того, на вооружении бригады имеется 12 буксируемых гаубиц М198, ПВО отсутствует. При этом важно отметить, что «Страйкеры» (во всех вариантах) — это обычные БТР с соответствующим этому классу техники противопульным (до 14,5 мм) бронированием. Что касается воздушно-десантной бригады, она имеет, кроме стрелкового оружия и гранатометов, 16 буксируемых гаубиц М119А2 (105 мм), 34 миномета, 28 самоходных ПТРК «Тоу», 76 ПТРК «Джавелин». ПВО также отсутствует [12; 13].

Впрочем, как было сказано выше, представить себе сражения в Арктике с участием бронетехники достаточно сложно, поэтому ее отсутствие у американских бригад вряд ли можно считать большим недостатком для данного ТВД. Что касается ПВО, то его может обеспечить группировка ВВС.

На Аляске дислоцирована 11-я Воздушная армия ВВС США, она подчинена Командованию ВВС в зоне Тихого океана. Основу ее составляет 3-е авиакрыло на военно-воздушной базе (ВВБ) Элмендорф. Оно включает две эскадрильи истребителей F-22, по одной эскадрилье истребителей F-15, самолетов дальнего радиолокационного обнаружения (ДРЛО) E-3B и транспортных самолетов C-17. Особо следует отметить F-22 — единственные в мире истребители 5-го поколения. Из 187 машин этого типа, закупленных для ВВС США, 40 дислоцированы на Аляске, в ближайшее время их количество предполагается увеличить до 45 — 50. Кроме того, на ВВБ Эйлсон размещено 354-е авиакрыло, включающее две эскадрильи истребителей F-16. Одна из них, 18-я (в ней 22 самолета), является эскадрилей

«Агрессор». Она сформирована в 2007 г., укомплектована наиболее квалифицированными летчиками, которые на учениях

ВВС имитируют самолеты противника. F-16 по своим характеристикам ближе всего к МиГ-29. Надо отметить, что единственной страной Восточной Азии, имеющей на вооружении МиГ-29, является КНДР. У РФ в Восточном ВО истребителей этого типа нет, за исключением одной авиабазы в Домне Забайкальского края, в 5 тыс. км от Аляски. Кроме того, к F-16 и МиГ-29 близки по своим ТТХ китайские истребители J-10.

Кроме всего перечисленного на Аляске дислоцировано 176-е авиакрыло ВВС Национальной гвардии США с транспортными самолетами C-130H. В этом штате имеется еще несколько аэродромов, которые можно использовать для переброски дополнительного количества боевых самолетов, в первую очередь — огромный гражданский аэропорт Анкоридж, который используется для дозаправки дальнемагистральных пассажирских и грузовых самолетов на рейсах из Северной Америки в Восточную Азию и обратно (по объему грузовых перевозок занимает 5-е место в мире). Емкость этих аэродромов позволяет увеличить группировку ВВС (сейчас она насчитывает более 100 F-22, F-15 и F-16) в несколько раз за 2–4 суток. Кроме того, благодаря наличию аэродромной сети может быть быстро усилена и группировка сухопутных войск за счет переброски самолетами военно-транспортной авиации на Аляску легких бригад и бригад «Страйкер». Для переброски тяжелых соединений потребуются железнодорожный транспорт (транзитом через Канаду) и морские перевозки, что займет более длительное время.

Именно на Аляске в Форт-Грили находится самый крупный позиционный район глобальной системы ПРО США, оснащенной ракетами *GBI*. Здесь было построено 26 шахт для этих ракет, однако часть из них затопило в июне 2006 г. во время сильных ливней [14]. Всего предполагается разместить на Аляске 30–40 ракет *GBI* [15; 16].

Боевые корабли ВМС США на Аляске не базируются, здесь дислоцированы только несколько кораблей и катеров Береговой охраны (Аляска относится к 14-му району Тихоокеанской зоны БОХР). В состав БОХР США входят 4 ледокола, однако 3 из них базируются в Сиэтле (штат Вашингтон), 1 — на Великих озерах, т.е. на Аляске на постоянной основе ледоколов нет [17].

Что касается европейской (атлантической) части Арктики, то кроме вышеупомянутой РАС СПРН в Туле (Гренландия) никаких

баз, военных объектов и группировок войск США сегодня нет. Суммарная численность американских военнослужащих в Канаде и Норвегии составляет 200 человек без всякой тяжелой техники. При этом Северный Ледовитый океан поделен на зоны ответственности между Атлантическим и Тихоокеанским флотах США. Границы между ними проходят по меридианам 95 з.д. и 100 в.д.

В настоящее время в составе Атлантического флота США находятся 6 атомных ПЛ с баллистическими ракетами (ПЛАРБ) и 2 с крылатыми ракетами (ПЛАРК) типа «Огайо», 25 атомных многоцелевых ПЛ (ПЛА) (4 типа «Вирджиния», 21 типа «Лос-Анджелес»), 5 атомных авианосцев («Энтерпрайз» и 4 типа «Нимиц»), 10 крейсеров типа «Тайкондерога», 26 эсминцев типа «Орли Бёрк», 18 фрегатов типа «Оливер Перри» (из них 5 — в экстренном резерве), 14 тральщиков, 14 десантных кораблей. Все корабли приписаны к ВМБ на континентальной части США, кроме тральщиков, приписанных к ВМБ Манамы (Бахрейн) [18].

В составе Тихоокеанского флота США находятся 8 ПЛАРБ и 2 ПЛАРК типа «Огайо», 29 ПЛА (3 типа «Си Вулф», 4 типа «Вирджиния», 22 типа «Лос-Анджелес»), 6 атомных авианосцев типа «Нимиц», 12 крейсеров типа «Тайкондерога», 29 эсминцев типа «Орли Бёрк», 12 фрегатов типа «Оливер Перри», 17 десантных кораблей. Из них к японским ВМБ Йокосука и Сасебо приписаны авианосец «Джордж Вашингтон», 2 крейсера, 7 эсминцев и 5 десантных кораблей, остальные — к ВМБ на континентальной части США, Гаваях и Гуаме. Часть кораблей ТОФ на ротационной основе входит в состав 5-го флота, находящегося в Индийском океане [19].

ВМС США обладают исключительно высокими возможностями для действий против ВМС любой другой страны. Кроме того, они располагают потенциалом, не имеющим аналогов в мире, для нанесения ударов по наземным целям. Если не принимать здесь к рассмотрению потенциал ПЛАРБ типа «Огайо» (они относятся к стратегическим ядерным силам (СЯС) и предназначены для нанесения массированного ядерного удара с помощью баллистических ракет (БРПЛ) «Трайидент-2»), то потенциал ВМС США для действий против берега таков:

- на каждом из 11 авианосцев базируется от 48 до 60 истребителей-бомбардировщиков F/A-18 различных модификаций;
- каждая из 4 ПЛАРК типа «Огайо» несет 154 крылатые ракеты (КР) «Томагавк»;

- все ПЛА типа «Вирджиния» и 30 ПЛА типа «Лос-Анджелес» несут по 12 КР «Томагавк» в специальных шахтах;
- все ПЛА могут запускать КР «Томагавк» через торпедные аппараты, если такие ракеты имеются на борту вместо части торпедного боезапаса;
- каждый крейсер типа «Тайкондерога» имеет по 2 установки вертикального пуска (УВП) Мк41 по 61 ячейке в каждой (т.е. всего 122 ячейки на корабле). В каждой ячейке может находиться либо КР «Томагавк», либо зенитная ракета (ЗУР) «Стандарт», либо противолодочная ракета (ПЛУР) «Асрок»;
- каждый эсминец типа «Орли Берк» также имеет по 2 УВП Мк41. На первых 33 кораблях — на 90 ячеек (29 в носовой УВП, 61 в кормовой), на следующих — на 96 ячеек (32 и 64) [20, с. 702 – 771].

Таким образом, теоретически корабли ВМС США могут одновременно нести 660 боевых самолетов (не считая противолодочных) и 8838 крылатых ракет (не считая неопределенного количества ракет, которые могут запускаться через торпедные аппараты ПЛА). Причем последняя цифра постоянно увеличивается за счет ввода в строй новых ПЛА типа «Вирджиния» и эсминцев типа «Орли Берк» (с другой стороны, ПЛА типа «Лос-Анджелес» постепенно выводятся из состава ВМС).

При этом, разумеется, реальная величина потенциала ВМС США для удара по береговым целям гораздо меньше, поскольку в каждый момент времени часть кораблей и ПЛА находится в базах, в межпоходовом или капитальном ремонте и на переходах к базам или из них. Кроме того, как было сказано выше, УВП Мк41 предназначены для ракет трех типов. Поэтому они не могут быть заняты только «Томагавками», так как это сделает близкими к нулю возможности ПВО и ПЛО корабля. Наконец, существуют объективные ограничения на концентрацию боевых кораблей в одной ограниченной акватории из-за глобальности охвата ВМС США (по сути, это весь Мировой океан). Если же такая концентрация производится, это само по себе является чрезвычайно сильным индикатором того, что имеет место подготовка к проведению некой боевой операции.

Однако, даже если реальный потенциал в каждый отдельный момент времени составляет лишь 25% от максимального, он все равно очень значителен. В первую очередь это относится к КР типа

«Томагавк», которые имеют очень высокую точность (КВО менее 10 м), очень низкую эффективную площадь рассеяния (менее 1 кв. м), что чрезвычайно затрудняет ее обнаружения средствами разведки ПВО. При этом дальность полета КР «Томагавк» *Block 3* составляет 1800 км (в ВМС США имеется до 2 тыс. этих ракет), «Тактический Томагавк» — 2400 — 2900 км. Недостатками «Томагавков» являются дозвуковая скорость полета и отсутствие средств и способов для самообороны, но они, как правило, компенсируются малой заметностью [21].

Кроме того, ВМС США располагают значительными возможностями для борьбы с баллистическими ракетами, морской потенциал ПРО развит гораздо лучше, чем наземный. Отдельные модификации ЗУР «Стандарт» имеют возможности поражать низкоорбитальные спутники (ИСЗ), а также баллистические ракеты средней дальности (БРСД) и оперативно-тактические ракеты (ОТР), а РАС кораблей могут сопровождать межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) и передавать их параметры наземным средствам ПРО. В настоящее время соответствующие РАС и ЗУР установлены на 3 крейсерах и 15 эсминцах ВМС США (все они входят в состав ТОФ), ведется соответствующая модернизация еще 2 крейсеров и 1 эсминца [22].

Россия

По данным открытых источников [23; 24], военный потенциал России в Арктике сосредоточен в крайней западной части российской Арктики, на северо-западе Кольского полуострова.

Группировка ВС РФ в этом регионе включает 1 мотострелковую бригаду, 1 бригаду морской пехоты, 2 авиабазы, 2 зенитно-ракетных полка. На их вооружении состоит около 120 танков Т-80, более 300 БТР, 80 САУ, около 20 минометов, 18 самоходных ПТРК «Штурм-С», 18 ЗРК войсковой ПВО, 6 зенитных ракетно-пушечных комплексов (ЗРПК) «Тунгуска», не менее 20 разведывательных самолетов Су-24МР, до 20 вертолетов Ми-24 и Ми-8, 7 дивизионов зенитно-ракетной системы (ЗРС) С-300ПС и ПМ.

Кроме того, на северном побережье РФ (хотя формально и южнее Полярного круга) в районе Северодвинска дислоцирован еще один зенитно-ракетный полк ЗРС С-300ПС (4 дивизиона). На авиабазе Бесовец (Карелия) дислоцируется, по различным данным, от 40 до 60 истребителей Су-27 и МиГ-31.

В относительно короткие сроки (предположительно от нескольких суток до 2–3 недель) группировка ВС на Кольском полуострове может быть усилена за счет переброски воздушным и железнодорожным транспортом 2 воздушно-десантных и 2 десантно-штурмовых дивизий, 1–2 десантно-штурмовых бригад ВДВ, а также 3 танковых и от 4 до 10 мотострелковых бригад Западного и Центрального ВО. На аэродромы Кольского полуострова может быть переброшено несколько десятков боевых самолетов.

Северный флот РФ включает 6 ракетных подводных крейсеров стратегического назначения (РПК СН) пр. 667БДРМ, 16 ПЛА пр. 945 и 971, 7 дизельных ПЛ пр. 877, 1 авианосец, 3 крейсера (2 пр. 1144, 1 пр. 1164), 2 эсминца пр. 956, 5 больших и 6 малых противолодочных кораблей (БПК и МПК), 3 малых ракетных корабля (МРК) пр. 1234, 7 тральщиков, 5 десантных кораблей. Из этого количества 7 атомных и 1 дизельная ПЛ, 1 крейсер пр. 1144, 1 БПК, 3 МПК и 3 десантных корабля находятся в ремонте или консервации. Существует теоретическая возможность усиления флота за счет перехода по внутренним водным путям некоторого количества кораблей и катеров с Балтийского и Черноморского флотов.

Кроме того, для сравнения с ТОФ США можно привести боевой потенциал ТОФ РФ. Сегодня он имеет в строю 7 ПЛА, 7 дизельных ПЛ, 1 крейсер, 1 эсминец, 4 БПК, 5 МПК, 3 МРК, 7 ракетных катеров, 8 тральщиков, 4 десантных корабля. Причем все крупные надводные корабли находятся во Владивостоке, на расстоянии более 4 тыс. км. от Арктики [20, с. 586–677]. Впрочем, американский ТОФ дислоцирован еще южнее.

Никаких частей и соединений сухопутных войск, ВВС и ПВО к востоку от Северодвинска Россия в Арктике не имеет.

Возможные сценарии военных конфликтов в Арктике

ВС Канады, Норвегии и Дании в силу общей слабости военного потенциала не способны осуществить какое-либо серьезное активное военное воздействие в отношении территории РФ. С другой стороны, США даже силами той группировки сухопутных войск и ВВС, которые дислоцированы на Аляске в мирное время, могут без особого труда занять Чукотку, где нет никаких частей ВС РФ. При этом Россия не будет иметь возможность перебросить туда тяжелые соединения из-за значительных расстояний. Ближай-

шая к Чукотке мотострелковая бригада расположена на Камчатке, следующие — в Хабаровском и Приморском краях. Из-за наличия тяжелой техники их переброска по воздуху невозможна, а по морю — займет значительное количество времени и, главное, будет блокирована ВМС США, которые, как было показано выше, значительно сильнее ВМФ РФ. Россия имеет возможность перебросить на Чукотку только части ВДВ и ВВС, однако и это будет сделать достаточно сложно из-за противодействия ВВС США.

При этом, однако, неясно, что может дать США подобная операция в политическом и военном плане. Она не дает им никакой очевидной выгоды, при этом несет угрозу эскалации конфликта вплоть до полномасштабного обмена ядерными ударами. Причем такой сценарий становится тем более вероятен, чем меньше у России возможности освободить свою территорию обычными силами. Как несложно понять, Чукотка не представляет для США такой ценности, чтобы ради ее захвата ставить под угрозу существование собственной страны. Тем более это относится к другим участкам российского арктического побережья, поскольку применительно к ним для США существенно усложнится решение задач логистики и ПВО (из-за увеличения расстояний), а для России обе эти задачи, соответственно, упростятся.

Гораздо более серьезной представляется угроза нанесения кораблями ВМС США (вместе со стратегической и, возможно, палубной авиацией) массированного обезоруживающего неядерного удара с помощью КР «Томагавк» по объектам СЯС РФ. Такой удар позволит уничтожить значительную часть российских МБР, РПК СН и бомбардировщиков, причем без глобальной экологической катастрофы. При таком сценарии американские СЯС полностью сохранят свой потенциал. Если Россия все же решится на ответный удар остатками своих СЯС, он может быть парирован с помощью даже ограниченной ПРО. Причем в отражении этого удара также могут принять участие корабли ВМС США с ЗУР «Стандарт-SM3» и соответствующими РЛС. Для выполнения обеих этих задач американские корабли должны наносить удар именно из Арктики, поскольку отсюда простреливается с помощью КР «Томагавк» большая часть российской территории (и большая часть объектов СЯС). К тому же корабли оказываются под траекториями полета оставшихся российских МБР и БРПЛ в сторону США (их траектории проходят через Арктику), что существенно облегчает выполнение задачи ПРО из-за минимизации значения курсового параметра и возможности стрелять навстречу,

а не вдогон (в связи с этим следует отметить, что для *GBI* с Аляски при стрельбе по российским МБР курсовой параметр и дальность стрельбы будут очень большими, что делает задачу их уничтожения практически нерешаемой). Кроме того, в США могут предполагать, что, если российские СЯС будут существенно ослаблены в результате обезоруживающего удара, притом что американские СЯС полностью сохранят свой потенциал, Россия вообще не решится на ответный удар.

Тем не менее, такой сценарий имеет ряд существенных рисков и ограничений.

1. Обезоруживающий удар должен быть единственным, поскольку, если первый удар не принес успеха либо принес ограниченный успех, возможности нанести второй удар уже не будет, поскольку Россия автоматически нанесет полномасштабный ядерный удар по территории США. Следовательно, в первом и единственном ударе должен быть задействован максимальный потенциал ВМС и ВВС США. Это означает, что большая часть американских крейсеров и эсминцев должна подойти на минимальное расстояние к берегам России, что не может быть замечено российскими средствами разведки. Если же удар не будет внезапным, то он теряет смысл.
2. Нанесение обезоруживающего удара с помощью КР «Томагавк» и решение задачи ПРО входят в противоречие друг с другом, поскольку, как было сказано выше, КР и ЗУР «Стандарт» размещаются в одних и тех же ячейках УВП крейсеров эсминцев. Таким образом, чем больше КР, тем меньше ЗУР и наоборот.
3. На нынешнем этапе поражение МБР с помощью ЗУР «Стандарт» невозможно, удастся ли их соответствующим образом доработать — неясно.
4. Дивизии ракетных войск стратегического назначения (РВСН), дислоцированные в Сибири, остаются вне зоны досягаемости КР «Томагавк» даже при стрельбе по ним из арктических вод.

Соответственно, проведение в жизнь подобного сценария возможно только при реализации одновременно нескольких условий:

- будет происходить полная деградация РВСН, ВВС и ПВО, ВМФ и космической группировки РФ с быстрым сокращением их боевого потенциала, что минимизирует количество

целей для обезоруживающего удара и возможности по его отражению и по нанесению ответного удара (как по территории США, так и по кораблям ВМС США, наносящим обезоруживающий удар);

- США будут наращивать ударный потенциал ВМС и ВВС, что неочевидно в условиях бюджетных ограничений;
- политические отношения между США и РФ ухудшатся до такой степени, что руководство США сочтет риск войны с Россией приемлемым. В настоящее время наблюдается противоположная тенденция.

Следует подчеркнуть, что обязательно должны быть выполнены все 3 условия одновременно, при невыполнении хотя бы одного удар наноситься не будет. Поэтому вероятность реализации подобного сценария следует считать очень низкой.

Еще одним теоретическим сценарием вооруженного конфликта может стать борьба за раздел месторождений углеводородов на арктическом шельфе. Участниками такого конфликта могут стать все арктические страны практически в любых сочетаниях. Однако надо иметь в виду, что сама по себе добыча нефти и газа с океанского дна в условиях наличия даже временного ледового покрова еще никем и никогда не решалась. Соответственно, технологические и финансовые риски здесь очень велики. Из-за этого ни одна нефтяная или газовая компания не пойдет на реализацию подобного проекта, если не урегулированы риски юридического, политического и, тем более, военного характера. Т.е. никто не начнет «явочным порядком» добывать нефть и газ на тех участках шельфа, которые являются спорными. Соответственно, данный сценарий конфликта можно считать совершенно иллюзорным.

Пожалуй, наиболее вероятным представляется конфликт в форме столкновения ВМС сторон из-за нерешенности проблем судоходства в Арктике при условии ее освобождения ото льда на продолжительный период. Как было сказано выше, путь через Арктику из Европы в Азию гораздо короче, т.е. экономически выгоднее, чем через Суэцкий канал и, тем более, вокруг Африки. При этом может возникнуть конфликт по поводу принадлежности тех или иных акваторий. Причем в такой конфликт могут быть втянуты уже не только приарктические страны, но и весь блок НАТО, а также Евросоюз (из приарктических стран членом ЕС является только Дания).

Однако вероятность реализации и этого сценария невысока. Сама по себе неурегулированность данного вопроса, влекущая

необходимость сопровождения торговых судов боевыми кораблями, причем на всем маршруте через Арктику, сразу многократно увеличивает стоимость перевозок, тем самым ликвидируя выгоду сокращения маршрута. Кроме того, как показал опыт войны в Югославии в 1999 г. и инцидента с захватом батальоном ВДВ РФ аэродрома в Приштине, а также войны между Россией и Грузией в августе 2008 г., даже США, не говоря уже о европейских странах, психологически не готовы даже на очень ограниченный военный конфликт с Россией, даже если он происходит вне пределов территории как России, так и стран НАТО. Нет сомнений, что это же относится и к потенциальному столкновению флотов в Арктике по причине нерешенности вопроса статуса акваторий. Ситуация может измениться только в случае очень существенного военного ослабления России по сравнению даже с нынешним положением.

Еще одним теоретическим фактором возникновения конфликта в Арктике может стать деятельность Китая, который в 2008 г. открыл научную станцию на Шпицбергене, в Арктике стал регулярно появляться китайский ледокол «Снежный дракон», ранее работавший в Антарктиде [4]. КНР испытывает острейшую потребность в любых природных ресурсах, причем, судя по некоторым публикациям китайских авторов, в этой стране растет решимость захватывать необходимые ресурсы и территории, в том числе и с помощью военной силы [25]. Поэтому ресурсы Арктики представляют для Пекина очень значительный интерес. При этом, однако, формальных претензий на арктические акватории и шельф КНР не имеет. Также ВМС КНР, несмотря на быстрый рост их потенциала, пока не способны к проведению сколько-нибудь значительных боевых операций в Арктике.

Литература

1. *Нестёркин В.* Военная деятельность Канады в Арктике // Зарубежное военное обозрение. 2007. № 11. С. 28 – 32.
2. *Смоловский А.* Военно-стратегическая обстановка в Арктике // Морской сборник. 2006. № 11. С. 57 – 65; 2006. № 12. С. 55 – 64.
3. *Свининых Е.* Перспективы присоединения США к конвенции ООН по морскому праву // Зарубежное военное обозрение. 2011. № 1. С. 68 – 78.
4. *Баранник А., Вознюк И.* Арктика как важный геостратегический регион столкновения национальных интересов ведущих зарубежных стран // Зарубежное военное обозрение. 2009. № 1. С. 3 – 11; 2009. № 2. С. 12 – 18.
5. *Володин Д.* Трансформация канадских вооруженных сил // Россия и Америка в XXI веке. Электронный научный журнал. 2010. № 1.

6. The Military Balance 2010. The International Institute for Strategic Studies.
7. Горелов А. Военно-воздушные силы Канады // Зарубежное военное обозрение. 2003. № 4. С. 35 – 41.
8. Светин А. Военно-морские силы Норвегии // Зарубежное военное обозрение. 2006. № 8. С. 50 – 56.
9. Мартов И. Военно-морские силы Дании // Зарубежное военное обозрение. 2003. № 4. С. 46 – 52.
10. Конончук С. Приватизация ледокольного флота Дании // Зарубежное военное обозрение. 2011. № 1. С. 91.
11. Зацепин В. Военное присутствие Дании в Арктике // Зарубежное военное обозрение. 2009. № 6. С. 81 – 82.
12. Панов А. Типовая организационно-штатная структура боевых бригад сухопутных войск США // Зарубежное военное обозрение. 2010. № 8. С. 38 – 46.
13. Владимиров В., Мегин А. Формирование механизированных бригад «Страйкер» в сухопутных войсках США // Зарубежное военное обозрение. 2004. № 6. С. 30 – 36.
14. Панин А. О затоплении стартовых шахт противоракет системы ПРО США // Зарубежное военное обозрение. 2007. № 5. С. 4515.
15. Овог А. Совершенствование американской системы ПРО // Зарубежное военное обозрение. 2009. № 8. С. 58 – 59.
16. Черёмушкин В. Увеличение количества противоракет ГБИ системы ПРО США // Зарубежное военное обозрение. 2008. № 1. С. 80 – 81.
17. Рюриков Д., Васильев А. Береговая охрана США // Зарубежное военное обозрение. 2005. № 6. С. 54 – 66.
18. Чертанов В. Командование сил флота США (Атлантический флот) // Зарубежное военное обозрение. 2008. № 11. С. 61 – 70.
19. Рюриков Д., Чертанов В. Тихоокеанский флот США // Зарубежное военное обозрение. 2008. № 12. С. 63 – 76.
20. Никольский В. И., Новичков Н. Н. Военные флоты мира, 2009 – 2010 гг.: Справочник. М.: АНО «Информационное агентство АРМС-ТАСС», 2009.
21. Шевченко И. Современное состояние и перспективы развития крылатых ракет морского базирования ВМС США // Зарубежное военное обозрение. 2009. № 8. С. 66 – 73.
22. Чертанов В. Морской компонент глобальной системы противоракетной обороны США // Зарубежное военное обозрение. 2009. № 11. С. 61 – 72.
23. Анализ Вооруженных сил России. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.warfare.ru/>.
24. Болтенков Д., Гайдай А., Карнаухов А., Лавров А., Целуйко В. Новая армия России / Под ред. М. Барабанова. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2010.
25. Галенович Ю. М. О чем пишут авторы сборника «Китай недоволен!» М.: Центр научной информации и документации ИДВ РАН, 2009.

А. Г. Арбатов, В. З. Дворкин

Военно-стратегическая деятельность России и США *

В годы холодной войны Арктика и Северная Атлантика были ареной самого напряженного стратегического противоборства СССР и США, причем как виртуального (согласно принятым планам действий в ожидавшейся ядерной войне), так и реального. Эта ситуация во многом сохраняется и сейчас, хотя и на более низком уровне противостояния и военной деятельности. Ее сохранению способствуют неизменные геостратегические факторы, логика взаимного ядерного сдерживания, динамика военного баланса и влияние военно-технического развития на положение в регионе.

Траектории полета межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ) пролегают через Северный полярный круг по кратчайшей линии до военных объектов и административно-промышленных центров двух ядерных держав — России и США. Соответственно, на север обращены секторы обзора радиолокационных станций (РАС) систем предупреждения о ракетном нападении: американские в Клэр (Аляска) и Туле (Гренландия), советские в Оленегорске (Кольский полуостров) и Печоре (Архангельская область).

На арктические азимуты были нацелены системы противоракетной обороны (ПРО) двух держав, хотя их развертывание было прервано Договором по ограничению систем ПРО 1972 г. и Протоколом 1974 г. После выхода США из Договора (2002 г.) на Аляске была построена новая база перехватчиков ПРО в составе 26 стратегических антиракет типа ГБИ. Правда, по официальной версии они развернуты не против России, а для перехвата возможных будущих МБР Северной Кореи и Ирана.

Через Арктику планировалось нанесение ударов стратегической авиации двух держав. Рубежи пуска последних тоже пролегли над просторами Северного Ледовитого океана (СЛО). Поэто-

* *Арбатов А. Г., Дворкин В. З.* Военно-стратегическая деятельность России и США // Россия в полицентричном мире. М.: Весь мир, 2011. Гл. 40. С. 21 – 29.

му часть тяжелых бомбардировщиков и танкеров-заправщиков базировалась на арктических аэродромах (например, на Аляске и в Гренландии, на Кольском и Чукотском полуостровах) или должна была пользоваться ими как авиабазами «подскока».

Над Арктикой регулярно осуществлялись тренировочные полеты дальних и средних бомбардировщиков США и СССР, нередко с имитацией выхода на курс применения ядерного оружия. Знаменательно, что через 20 лет после окончания холодной войны, в сентябре 2008 г., Россия провела полеты 12 стратегических бомбардировщиков в арктическом воздушном пространстве для демонстрации силы после кавказского конфликта августа 2008 г.

Для защиты от стратегической авиации в арктических регионах СССР, США, а также в Канаде, Гренландии, Исландии и Норвегии были развернуты эшелонированные системы противовоздушной обороны (ПВО) Советского Союза и НАТО в составе сети РЛС, авиабаз истребителей-перехватчиков и позиций зенитных ракет.

Арктика была также полигоном интенсивных испытаний ядерного оружия. Архипелаг Новая Земля был вторым (после Семипалатинска в Казахстане) районом проведения таких испытаний в воздухе, под водой и под землей. В 1958 – 1990 гг. здесь были проведены 224 из 715 (около 30%) всех ядерных взрывов, в том числе в октябре 1961 г. — самый крупный в истории воздушный взрыв авиабомбы мощностью до 58 МТ. С полигона Плесецк (Архангельская область), из акваторий Белого и Баренцева морей проводились испытательные пуски баллистических ракет наземного и морского базирования.

Деятельность атомного флота и ядерные испытания повлекли серьезные проблемы радиоактивного загрязнения Кольского полуострова, Новой Земли и окружающих морских акваторий. Эта проблема обострилась в 90-х годах прошлого века, когда в большом количестве выводились в отстой атомные подводные лодки, выслужившие свой срок или своевременно не прошедшие ремонт из-за отсутствия финансирования. Радиоактивное загрязнение Арктики усугублялось отходами атомной промышленности Западной и Восточной Сибири, выносившимися на север великими сибирскими реками (Обь, Енисей).

Военно-стратегическая деятельность России и США в Арктике и Северной Атлантике имеет существенное значение не только с точки зрения поддержания стратегической стабильности, но

и не может не сказываться на двустороннем и региональном сотрудничестве государств в регионе.

Военно-морская деятельность в Арктике

Ввиду активного использования Арктики в качестве района развертывания и транзита стратегических ракетно-ядерных сил морского базирования, авианосцев, кораблей и подводных лодок с тактическим ядерным оружием (ТЯО) и ядерными крылатыми ракетами морского базирования (КРМБ), СЛО и Северная Атлантика превратились в зону самой интенсивной в мире гонки военно-морских вооружений и военно-морского соперничества. Военно-морская деятельность НАТО и СССР сплелась в огромный и сложнейший «клубок» операций и технических систем.

С 60-х годов прошлого века СЛО и Северная Атлантика стали районом боевого дежурства американских и советских атомных подводных лодок с баллистическими ракетами. На Кольском полуострове были расположены главные базы самого мощного Северного флота СССР, а теперь — Российской Федерации. Подводные ракетноносцы США выходили в северные моря (включая Берингово и Чукотское) с баз на обоих побережьях страны и в Великобритании (Шотландия). В 1970 — 1980-х годах к ним присоединились английские и французские ракетные атомные подводные лодки.

В 1970 — 1980-х годах с увеличением дальности БРПЛ американские стратегические ракетноносцы ушли из СЛО и стали дежурить на просторах Атлантики и Тихого океана. Дальность ракет «Трайидент-2» позволяла наносить удары по СССР от берегов Бразилии и Индонезии¹. Советские же ракетные подводные крейсера, которые ранее из-за недостаточной дальности ракет сначала должны были выходить в Северную Атлантику, с увеличением дальности БРПЛ, наоборот, стали преимущественно нести боевое дежурство в СЛО под прикрытием остальных сил и средств Северного флота и под защитой полярных льдов².

С начала 1980-х годов в Арктике началось периодическое патрулирование американских многоцелевых атомных подводных лодок (АПЛ) с ядерными (КРМБ) большой дальности типа «Томахок»³. А с конца того же десятилетия и советские многоцелевые атомные подводные лодки с КРМБ стали выходить из Кольских баз через Баренцево и Норвежское моря в Северную Атлантику⁴.

В северных морях периодически проводили учения американские корабельно-авианосные соединения, включая авианосцы с ударной палубной авиацией, способной нести ТЯО⁵.

В этой зоне была создана наиболее эшелонированная система противолодочной обороны (ПЛО) НАТО. В ее состав входили несколько линий гидроакустического наблюдения (СОСУС) по рубежам Норд-Кап (Норвегия) — остров Медвежий и Гренландия — Исландия — Фарерские острова.

Многоцелевые подводные лодки НАТО старались «прицельно» к советским стратегическим ракетносцам на выходе из баз Кольского полуострова или при проходе через линии СОСУС и сопровождать их на протяжении всего срока боевого дежурства. Ставилась задача быстро уничтожить советские подводные лодки с атомными ракетами на борту (ПЛАРБ) в случае начала войны, не допустив пуска БРПЛ. В этом лодкам-охотникам помогали надводные корабли, базовая и палубная авиация ПЛО. Совершенствовались космические средства морской разведки и обнаружения атомных подводных лодок (АПЛ) (например, по спутному следу «шлейфу» возмущенной водной среды).

Северный же флот СССР в качестве главной задачи имел боевое обеспечение своих стратегических подводных лодок. Эта задача решалась путем сопровождения ракетносцев многоцелевыми атомными подводными лодками с ракетно-торпедным вооружением, которые в мирное время должны были отеснять подводные лодки НАТО, а в случае войны — атаковать их до того, как они поразят советские ПЛАРБ. Подводные лодки (прежде всего 949 проекта типа «Курск» и 971 проекта типа «Барс») также имели задачу поразить авианосцы и другие корабли НАТО, которые могли угрожать стратегическим подводным ракетносцам СССР. Боевым кораблям с управляемым ракетным оружием (УРО), береговым бомбардировщикам и самолетам ПЛО с бомбами и ракетами, а с конца 1980-х годов и палубной авиации Северного флота ставилась задача уничтожения авианосцев, кораблей, подводных лодок и авиации, а также баз ВМС и ВВС НАТО на берегах Арктики и Северной Атлантики⁶.

Кроме того, надводным, подводным и авиационным силам и средствам Северного флота ставилась задача поиска, сопровождения, а в случае войны — уничтожения стратегических подводных ракетносцев США и их союзников до запуска их БРПЛ.

Соперничество еще более усложнялось, поскольку многоцелевые подводные лодки Северного флота на случай большой войны имели задачу выхода в Атлантику для нарушения морских коммуникаций НАТО. По ним военные грузы должны были доставляться из США в Западную Европу. По некоторым расчетам, в 1967—1993 гг. советские подводные лодки осуществили более 4600 боевых походов, большинство из которых приходилось на Северный флот, и в общей сложности провели под водой 950 лет (!)⁷. Поэтому перед подводными лодками, кораблями и авиацией НАТО ставилась цель обеспечить противолодочную оборону и преградить путь противнику на Гренландско-Фарерском рубеже.

Наконец, авиация, корабли и подводные лодки Северного флота имели задачу прямого противодействия авианосным и амфибийно-десантным соединениям НАТО с целью помешать нанесению ударов по военной и промышленной инфраструктуре Кольского полуострова и Архангельской области.

Россия и страны НАТО активно сотрудничали (особенно в 1990-х годах в обеспечении безопасной утилизации отслуживших российских атомных подводных лодок, хранения и вывоза отработанного ядерного топлива, ликвидации ракет, перевозок ядерных боеприпасов, в укреплении сохранности ядерных хранилищ.

За два десятилетия после окончания холодной войны уровни военного противостояния в Арктике существенно снизились, резко сократились масштабы военно-морской деятельности двух стран: коэффициент напряженности боевого дежурства стратегических и многоцелевых подводных лодок (т.е. процент постоянно развернутых АПЛ в море от общего числа), масштабы и периодичность военно-морских учений, интенсивность полетов авиации.

Таблица 1

Боевой состав Северного флота СССР и России

	В конце 1980-х годов	В настоя- щее время
Подводные лодки:		
— с баллистическими ракетами	39	7
— многоцелевые	133	23
Крупные боевые корабли	74	17
Вспомогательные корабли	около 200	33

Таблица 2

Боевой состав военных флотов США и стран НАТО

	В конце 1980-х годов		В настоя- щее время	
	США	НАТО	США	НАТО
Подводные лодки:				
— с баллистическими ракетами	28	10	6	4
— многоцелевые	50	65	25	85
Авианосцы	7	6	4	6
Крупные боевые корабли	90	130	49	100
Десантные суда	24		14	

Проблемы поддержания стратегической стабильности

Стратегические силы России в новых условиях сталкиваются с рядом трудностей, которые создают все большие проблемы для российской национальной безопасности, а значит и для стратегической стабильности, интересов безопасности и сотрудничества великих держав.

В настоящее время стратегические АПЛ Северного флота составляют 15% всех стратегических ядерных сил (СЯС) России по носителям и 13% — по ядерным боезарядам. Однако в ближайшее десятилетие в результате исчерпания технического ресурса ПЛАРБ Тихоокеанского флота, а также сокращения устаревших МБР и общего числа носителей СЯС доля морских стратегических сил Северного флота в российских СЯС по носителям и боезарядам может заметно возрасти.

В условиях нынешней глубокой разрядки политической напряженности даже упомянутого сравнительно ограниченного потенциала подводных ракетносцев Северного флота на боевом дежурстве теоретически достаточно для надежного сдерживания и обеспечения стратегической стабильности.

Противолодочные силы НАТО вносят большую неопределенность в оценки стратегической достаточности, в том числе затрудняя процесс ядерного разоружения.

Противолодочная деятельность надводных кораблей и авиации НАТО в регионе заметно сократилась ввиду уменьшения численности сил и средств флотов, а также из-за прекращения походов российских стратегических ракетносцев за рубежи ПЛО Норд-

кап — Медвежий и Гренландия — Фареры. Выход российских многоцелевых АПЛ в Северную Атлантику тоже свернут до единичных походов. Надводные боевые корабли России теперь редко выходят в море, да и то главным образом для «демонстрации флага» народам далеких южных стран, а не для придания устойчивости боевому дежурству своих ПЛАРБ в Арктике.

Однако патрулирование многоцелевых атомных подводных лодок НАТО у выхода из баз и в районах боевого дежурства российских ПЛАРБ продолжается.

В условиях гальнейшего сокращения боевого состава Северного флота в целом с учетом соотношения российских сил боевого прикрытия ПЛАРБ и сил ПЛО НАТО в Арктике живучесть морских стратегических сил России в обозримой перспективе может оказаться под вопросом.

Это обстоятельство может нанести серьезный ущерб стратегической стабильности в целом, поскольку морская составляющая СЯС имеет смысл исключительно в виде живучего компонента сил стратегического ядерного сдерживания. Для предотвращения такого развития событий и продолжения курса на ядерное разоружение в последующие 20 лет потребуются меры договорно-правового характера, выходящие за рамки традиционных договоров по СНВ.

Во-первых, для обеспечения безопасности боевого дежурства российских ПЛАРБ было бы целесообразно в рамках следующего этапа переговоров по СНВ или параллельно с ними договориться о запрещении любой противолодочной деятельности НАТО восточнее рубежа Нордкап — Медвежий. Контроль над таким соглашением применительно к надводным кораблям и авиации ПЛО может достаточно надежно осуществляться с помощью национальных технических средств, включая системы флота и авиации. В отношении подводных лодок это намного сложнее, и об этом речь пойдет ниже.

Со своей стороны, Россия возьмет на себя обязательство не выводить свои многоцелевые подводные лодки западнее названного рубежа. Для многоцелевых АПЛ в этом нет необходимости. Ввиду сокращения их числа и изменения общей ситуации в Европе задачу нарушения трансатлантических коммуникаций НАТО можно упразднить и как невыполнимую, и как ненужную. Имеющегося числа подводных лодок Северного флота едва хватит для обеспечения устойчивости боевого дежурства ПЛАРБ и выполнения обороны экономической зоны, территориальных вод и самой террито-

рии России. По тем же основаниям следует отказаться и от задач борьбы с ПЛАРБ стран НАТО за пределами указанного рубежа.

Во-вторых, следует достичь соглашения о том, чтобы стратегические ракетноносцы (ПЛАРБ) США и их союзников не пересекали отмеченный рубеж в восточном направлении, а российские — в западном. Ввиду достаточной дальности БРПЛ, для стратегических лодок РФ в этом нет необходимости, как и для ПЛАРБ стран НАТО, если только перед ними не ставится задача отработки тактики нанесения разоружающего удара с минимальным подлетным временем. Последнее несовместимо с принципами стратегической стабильности.

При необходимости в дальнейшем можно будет согласовать аналогичный разграничительный рубеж между Россией и США с их союзниками на север от Берингова пролива.

В-третьих, Россия и США на взаимной основе должны ограничить полеты тяжелых бомбардировщиков над Арктикой вне своего воздушного пространства (кроме как для наблюдения и в спасательных целях, для чего нужны отдельные согласования). С обеих сторон такие полеты могут восприниматься как провокационные и совершенно не соответствуют новым отношениям держав. Для поддержания роли ТБ в качестве средства ядерного сдерживания можно ограничиться тренировочными полетами в своем воздушном пространстве. В любом случае вклад тяжелых бомбардировщиков в стратегическую стабильность представляется весьма спорным, а переориентация ТБ на иные задачи могла бы стать первым шагом в трансформации отношений взаимного ядерного сдерживания.

Гипотетическая угроза ПЛАРБ «Огайо» с высокоточными обычными КРМБ может быть существенно ослаблена при договоренности об их базировании только на Западном побережье США. Из Тихого и Индийского океанов они не перекрывают по своей дальности основную часть баз российских МБР и пунктов управления, а выход в Арктику через Берингов пролив сопряжен с оперативными трудностями.

ПРО и безопасность в Арктике

ПРО США, в каком бы регионе Северного полушария она ни развертывалась в обозримой перспективе, будет рассматриваться в качестве вероятной угрозы потенциалу ядерного сдерживания

России вне зависимости от масштабов ее развертывания и даже в тех случаях, когда она практически не будет способна перехватывать даже единичные пуски российских МБР и БРПЛ. Так будет продолжаться до тех пор, пока две ядерные сверхдержавы находятся в состоянии взаимного ядерного сдерживания. Особенно это относится к размещению ударных компонентов ПРО в Арктике и прилегающих к ней акваториях и прибрежных районах.

Арктика может превратиться из транзитной зоны, которую пересекают военные и гражданские корабли и самолеты различного класса, траектории МБР и БРПЛ, в зону непосредственного применения средств вооруженной борьбы.

Концентрация этих средств будет значительно повышена из-за необходимости морского и авиационного прикрытия кораблей с информационными и боевыми компонентами ПРО, для нейтрализации которых необходимо будет использовать усиленные составы всех боевых и обеспечивающих средств Северного флота.

В соответствии с объявленными администрацией президента Б. Обамы и Пентагоном планами развертывания ПРО дальнейшее наращивание стратегических противоракет ГБИ на Аляске (Форт-Грили, 26 противоракет) и в Калифорнии (база Ванденберг, 4 противоракеты) приостанавливается. В качестве резерва в Калифорнии достраиваются 14 шахт для ГБИ, в которые противоракеты будут загружены в случае необходимости. Планами развертывания ПРО на территории Европы и в других регионах для защиты от баллистических ракет Ирана предусматриваются 4 этапа, содержание которых хорошо известно и в данной главе не рассматривается.

При этом на всех этапах будет осуществлена модернизация систем боевого управления и наведения. Ожидается, что за счет повышения скоростных характеристик противоракет будет обеспечена способность (при размещении кораблей системы «Иджес» в северных морях и в Средиземном море) поражать ракеты средней и межконтинентальной дальности на активном участке траектории.

В стадии разработки и испытаний находятся лазеры воздушно-го базирования, космическая информационная система «СТСС».

Уже на первом этапе при нахождении кораблей ПРО в северных морях противоракеты СМ-3 теоретически будут способны перехватывать российские жидкостные БРПЛ, стартующие из прибрежных акваторий и непосредственно из баз, на активном участке траектории. После модернизации на третьем и четвертом этапах за счет повышения скоростных характеристик противора-

кет их способность перехватывать жидкостные и твердотопливные БРПЛ будет постоянно увеличиваться.

Расстояние от нейтральных районов патрулирования кораблей ПРО с системой «Иджес» до российских ПЛАРБ в базах Северного флота в Гаджиево (бухта Ягельная, губа Сайда) и в районах их патрулирования может составлять от 800 до 2500 км. Активный участок жидкостных БРПЛ заканчивается на расстоянии примерно 800 км от точки старта и на высоте около 350 км примерно через 300 с.

Космические системы раннего предупреждения США гарантированно обнаруживают ракеты на активном участке траектории примерно через 50 с после старта. Перспективная низкоорбитальная система СТСС с этого же момента с достаточно высокой точностью начинает определять параметры траектории БРПЛ и вырабатывать предварительные целеуказания для противоракет, которые передаются на радары наведения, размещенные на кораблях системы «Иджес». Таким образом, перехват жидкостных БРПЛ, стартующих из подводных ракетноносцев в ближней морской зоне, может быть осуществлен при движении на второй ступени при удалении их на расстояниях, начиная примерно с 300 км от точки старта до окончания активного участка на высотах от 200 до 300 км, что вполне достижимо уже для современных противоракет СМ-3.

В настоящее время в США в стадии доработок и полномасштабных испытаний находится авиационный комплекс с лазерным оружием, предназначенный для поражения ракет всех типов на активном участке траектории. Несмотря на ряд неудачных испытаний, в том числе в самое последнее время, данных о том, что программа эта будет «заморожена» на длительное время, нет.

Лазерное оружие будет размещено на самолетах типа В-747, которые должны будут барражировать на высотах около 10 км. Тип лазера — химический с непрерывным режимом излучения. Диаметр апертуры — 1,5–2 м. По имеющимся данным максимальная дальность действия — до 800 км. Предполагается, что лазер будет способен поражать ракеты на активном участке траектории в течение примерно 60 с. При этом время воздействия на цель составляет от 1 до 5 с, что приводит к ее поражению с учетом того, что корпус ракеты находится под действием сильной термической и силовой нагрузки. Это относится прежде всего к жидкостным ракетам, которые по сравнению с твердотопливными имеют более продолжительный активный участок траектории полета и корпус которых обладает меньшей прочностью.

Самолеты с лазерным оружием могут быть оперативно переброшены и развернуты в районах, находящихся в относительной близости от ракетных баз противника. При этом необходимо обеспечить развертывание и поддержание в боевой готовности нескольких ударных самолетов, самолетов-заправщиков, а также самолетов прикрытия. Вряд ли такие авиационные средства можно использовать для перехвата баллистических ракет, базы которых находятся в глубине территории противника и защищены эффективными средствами ПВО. Однако барражирование в районах базирования и патрулирование российских подводных ракетноносцев создаст реальную угрозу стартующим с них баллистическим ракетам.

Если оценивать эффективность перехвата системой «Иджес» российских БРПЛ, стартующих из подводных ракетноносцев Северного флота, непосредственно на участках траекторий после завершения операции разведения боезарядов, то прежде всего целесообразно привести результаты оценок эффективности перехвата этой системой баллистических ракет Ирана.

Эти оценки представлены в совместных материалах российских и американских экспертов, изданных Институтом Восток—Запад в 2009 г.⁸ Показано, в частности, что радары X-диапазона, благодаря относительно высокой разрешающей способности (до 15 см), могут обнаруживать на безатмосферном участке траектории не только боезаряды, но и часть ложных целей, однако не гарантируют возможности отличить одни от других. При этом даже относительно несложные меры противодействия, которые могут быть доступны для иранских специалистов-ракетчиков, способны снизить эффективную площадь отражения боезарядов с 0,03 кв. см до 0,01 кв. см, что значительно сократит дальность обнаружения боезарядов.

В лучшем случае при увеличении модулей радара X-диапазона до 80 тыс. единиц дальность обнаружения составит примерно 1300 км при необходимой минимальной дальности около 2000 км. Всего для перехвата одного боезаряда иранской ракеты потребуется в среднем 5 противоракет.

Нет никаких сомнений в том, что российские БРПЛ оснащены значительно более эффективными комплексами преодоления ПРО, которые разрабатывались в течение нескольких десятков лет и постоянно адаптировались к перспективным системам ПРО.

Планируемая к развертыванию новая архитектура ПРО США, предусматривающая нахождение нескольких кораблей системы

«Иджес» в северных морях, не окажет практического влияния на российский ядерный потенциал.

Однако развертывание такой ППРО все равно приведет к принятию комплекса мер, направленных на нейтрализацию боевых возможностей данной системы, средств морского и авиационного прикрытия кораблей с информационными и боевыми компонентами ППРО с использованием усиленных составов боевых и обеспечивающих средств Северного флота.

В том случае, если над районами патрулирования подводных ракетноносцев Северного флота будут барражировать самолеты с лазерным оружием, которые способны представлять реальную угрозу для БРПЛ на активном участке траектории, то концентрация авиационных и морских сил на Севере будет значительно повышена. Прогнозируя дальнейшее развитие подобного сценария, можно представить наращивание наземных, морских, воздушных и космических рубежей перехвата ракет и боезарядов на всех участках траектории их полета, что связано с возвратом к ядерному противостоянию и новой гонке вооружений. Однако вероятность такого радикального обострения отношений между Россией и США минимальна, тем более после Лиссабонской встречи Президента России Д. Медведева с лидерами стран НАТО.

Вместе с тем, при развертывании ППРО в Европе в соответствии с принятыми на саммите НАТО в ноябре 2010 г. решениями без участия России вполне возможен новый противоракетный кризис в отношениях России и США, аналогичный тому, что имел место до пересмотра предыдущих планов развертывания третьего района ППРО в Польше и Чехии. Не допустить разрастания подобного кризиса можно только встречными шагами, направленными на тесное сотрудничество в сфере Европейской и глобальной ППРО.

Анализ влияния военно-стратегической деятельности России и США в Арктике на поддержание стратегической стабильности в отношениях между ними позволяет сформулировать следующие выводы:

1. В целях предотвращения негативного влияния военно-политической обстановки в Арктическом регионе на стратегическую стабильность целесообразно на основе консультаций и переговоров в формате Россия – США и Россия – НАТО подготовить ряд соглашений, ограничивающих военную деятельность в регионе. В частности:

- запретить любую противолодочную деятельность НАТО восточнее рубежа Нордкап – Медвежий и пересечение этого рубежа подводными ракетноносцами США, Великобритании и Франции в восточном направлении, а российскими подводными ракетноносцами — в западном;
- ограничить на взаимной основе полеты тяжелых бомбардировщиков России и США над Арктикой за пределами их воздушного пространства.

2. ПРО, развертываемая США в любом регионе Северного полушария, в обозримой перспективе будет рассматриваться в качестве вероятной угрозы для ядерного потенциала России вне зависимости от масштабов ее развертывания. Особенно это относится к размещению ударных компонентов ПРО в Арктике и прилегающих к ней акваториях и прибрежных районах. Не допустить очередного противоракетного кризиса можно только встречными шагами, направленными на тесное сотрудничество в сфере ПРО.

Безопасность в Арктике при развертывании ПРО в северных морях можно обеспечить прежде всего в неразрывной связи с последовательной и радикальной трансформацией принципов взаимного ядерного сдерживания России и США, одним из важнейших этапов которой должно быть равноправное участие России в разработке, развертывании и использовании Европейской и глобальной ПРО.

Примечания

¹ Cochran T., Arkin W., Norris R., Sands J. Nuclear Weapons Databook. Vol. 1. U.S. Nuclear Weapons and Capabilities. Cambridge: Ballinger Publ. Co., 1984. P. 134 – 148.

² Cochran T., Arkin W., Norris R., Sands J. Nuclear Weapons Databook. Vol. 4. Soviet Nuclear Weapons. N.Y.: Ballinger Publ. Co., 1989. P. 136 – 151.

³ Cochran T., Arkin W., Norris R., Sands J. Nuclear Weapons Databook. Vol. 1. P. 184 – 188.

⁴ Cochran T., Arkin W., Norris R., Sands J. Nuclear Weapons Databook. Vol. 4. P. 184 – 185.

⁵ Cochran T., Arkin W., Norris R., Sands J. Nuclear Weapons Databook. Vol. 1. P. 205 – 227.

⁶ Cochran T., Arkin W., Norris R., Sands J. Nuclear Weapons Databook. Vol. 4. P. 272 – 329.

⁷ Цит. по: Nigren D., Huldt B. et. al. (eds). Russia on our Mind. Stockholm: Swedish National Defense College, 2010. P. 115.

⁸ Ядерный и ракетный потенциал Ирана. N.Y.: EastWest Institute, 2009.

Об авторах

Арбатов Алексей Георгиевич — руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, академик РАН

Васильев Антон Всеволодович — посол по особым поручениям МИД России, представитель России в Арктическом совете

Веселов Игорь Александрович — заместитель директора департамента международной деятельности МЧС России, руководитель Рабочей группы Арктического совета

Воронков Лев Сергеевич — ведущий научный сотрудник Центра северо-европейских и балтийских исследований, профессор кафедры европейской интеграции МГИМО (У) МИД России

Воронов Константин Валентинович — заведующий сектором ИМЭМО РАН

Дворкин Владимир Зиновьевич — главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, генерал-майор

Загорский Андрей Владимирович — заведующий отделом ИМЭМО РАН, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД России

Карлусов Вячеслав Всеволодович — главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, профессор кафедры мировой экономики МГИМО (У) МИД России

Ковалев Александр Антонович — заведующий кафедрой международного права Дипломатической академии МИД России (1993 — 2011)

Коньшев Валерий Николаевич — профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Коптелов Владимир Валентинович — советник 1-го класса МИД России (в отставке)

Лунев Сергей Иванович — профессор кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД России

Моргунова Мария Олеговна — кафедра стратегического управления ТЭК РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина

Ознобищев Сергей Константинович — заведующий сектором ИМЭМО РАН

Орешенков Александр Михайлович — эксперт по международно-правовым проблемам Арктики

- Рубинский Юрий Ильич** — руководитель Центра французских исследований Института Европы РАН
- Рыхтик Михаил Иванович** — декан факультета международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского
- Сергунин Александр Анатольевич** — профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета
- Студнева Елена Юрьевна** — обозреватель журнала «Международная жизнь»
- Телегина Елена Александровна** — декан факультета международного энергетического бизнеса РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, член-корреспондент РАН
- Тулупов Дмитрий Сергеевич** — кафедра европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета
- Уткин Сергей Валентинович** — заведующий отделом стратегических оценок Центра ситуационного анализа РАН
- Фененко Алексей Валерьевич** — ведущий научный сотрудник Института проблем международной безопасности РАН
- Храмчихин Александр Анатольевич** — заместитель директора Института политического и военного анализа
- Чилингаров Артур Николаевич** — специальный представитель Президента Российской Федерации по международному сотрудничеству в Арктике и Антарктике, член-корреспондент РАН

**Арктический регион:
Проблемы международного сотрудничества**

**Хрестоматия
в 3 томах**

Под общ. ред. **Игоря Сергеевича Иванова**

Составители:

Тимофеев Иван Николаевич
Махмутов Тимур Анварович
Филиппова Людмила Викторовна
Шамшурин Александр Геннадьевич

Том 1

Подписано в печать 19.09.2013. Формат 60×90 1/16.

Гарнитура «BalticaС».

Усл. печ. л. 22,5. Тираж 720 экз. Заказ

ЗАО Издательство «Аспект Пресс».

111141 Москва, Зеленый проспект, 8.

E-mail: info@aspectpress.ru www.aspectpress.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200 Можайск, ул. Мира, 93

www.oaompk.ru www.oaompk.ru

Тел. (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Российский совет по международным делам (РСМД) — некоммерческое партнерство, созданное по распоряжению Президента Российской Федерации. Совет ставит перед собой следующие **задачи**:

- содействовать проведению в России исследований по основным направлениям внешней политики России и актуальным вопросам мировой политики;
- формировать условия для совершенствования процесса подготовки специалистов-международников;
- развивать взаимодействие российских научных организаций с иностранными экспертно-аналитическими центрами по вопросам международных отношений.

Совет выступает связующим звеном между государством, экспертами, бизнесом и гражданским обществом в решении внешнеполитических задач.

Учредители РСМД:

- Министерство иностранных дел Российской Федерации;
- Министерство образования и науки Российской Федерации;
- Российская академия наук;
- Российский союз промышленников и предпринимателей;
- Информационное агентство «Интерфакс».

Основные направления деятельности РСМД:

- исследовательская работа и международная экспертиза;
- учебно-просветительская работа;
- коммуникационная и публичная деятельность;
- международная деятельность.

Наши контакты:

Интернет-портал: www.russiancouncil.ru

Адрес: 119180, Москва, ул. Большая Якиманка, д. 1.

Тел.: +7 (495) 225 6283

Факс: +7 (495) 225 6284

E-mail: welcome@russiancouncil.ru

Совет зарегистрирован 19 апреля 2011 г. УФНС по г. Москве.
ОГРН 1117799006753. Свидетельство серия 77 № 013839523.